САВЕЛІЙ ГРАБЪ,

или

ДВОЙНИКЪ.

Въ одной изъ новороссійскихъ полуукраинскихъ губерній нашихъ, проживалъ помѣщикъ Сергѣй Сергѣевичъ Бабачекъ. Онъ прослужилъ, по гражданской части, въ поту лица своего, 35 лѣтъ, тихо, смирно, осторожно, все молчалъ, вздыхая, да потирая лобъ, и — 35 лѣтъ время долгое, набѣгала и случалась всякая всячина: кто отъ хлѣба бѣгаетъ? Сергѣй Сергѣевичъ потихоньку да помаленьку скопилъ и сколотилъ что было можно; а чего нельзя, затѣмъ онъ и не гонялся. Женившись на дочери тамошняго помѣщика, взялъ онъ за женою деревеньку, Шпиговку, но вскорѣ началъ почесываться указательнымъ пальцемъ лѣвой руки за ухомъ, что служило знакомъ неудовольствія и случилось именно, когда онъ увидѣлъ, что на Шпиговкѣ было

столько же долгу, во сколько оцѣнилъ онъ приданое жены своей, Степаниды Ѳоминишны, прокинувъ на счетахъ число душъ и число десятинъ. Со счетами же Сергѣй Сергѣевичъ такъ свыкся и сжился, впродолженіе тридцати–пяти–лѣтней службы своей, что даже не могъ уснуть ночью, если ихъ не было на столикѣ, подъ рукою. Поэтому Сергѣй Сергѣевичъ не прокидывался на счетахъ никогда, не ошибался.

Дѣлать было однакоже нечего; Сергѣй Сергѣевичъ выкупилъ деревеньку изъ своего кармана, сталъ хлопотать, сколько было ему воли и власти отъ Степаниды Ѳоминишны, о приведеніи дѣлъ въ порядокъ — но Степанида Ѳоминишна вскорѣ устранила его вовсе отъ всѣхъ хлопотъ и заботъ по управленію имѣніемъ, предоставивъ ему только голосъ въ семейномъ совѣтѣ о тяжебныхъ дѣлахъ и дѣловой перепискѣ; но какъ природа Сергѣй Сергѣевичу, сравнительно съ супругою его, въ голосѣ рѣшительно отказала, то вся выгода, которую Бабачекъ

пріобрѣлъ отъ законнаго супружества своего, была та, что Степанида Ѳоминишна выростила и выкормила ему полонъ домъ дѣтей — кто говоритъ девять, а кто тринадцать; извѣстно только достовѣрно, что число ихъ было ничетъ. И такъ безгласный хозяинъ своего добра поневолѣ забавлялся иногда только тѣмъ, что прокидывалъ на счетахъ и провѣрялъ нечетное число ребятъ и дѣвчонокъ своихъ, то есть дѣтей, и скидывалъ съ костей тѣхъ, которыхъ уже отдалъ на службу и пристроилъ, а иногда и слѣдующихъ за тѣмъ, въ надеждѣ сбыть съ рукъ вскорѣ и этихъ; а потомъ клалъ опять преспокойно счеты на завѣтное мѣстечко.

Двухъ взрослыхъ барышень, невѣстъ, Настасью и Меланью, Сергѣй Сергѣевичъ самъ обучалъ играть на гусляхъ и этимъ ограничивалось ихъ свѣтское воспитаніе; домашнее, хозяйственное воспитаніе было разумѣется въ рукахъ у матери и мы дальше увидимъ, какъ Степанида Ѳоминишна сама подавала дочерямъ своимъ примѣръ доброй и расчетливой

хозяйки. Старшій сынокъ Митенька, малый лѣтъ пятнадцати, любимое дѣтище и баловень матери, жилъ еще дома, равно какъ и съ пятокъ младшихъ; двоихъ же среднихъ, чтобы избавиться отъ шуму и драки ихъ и уберечь гусей, утятъ и индюшекъ отъ мѣткихъ ихъ самострѣловъ, пристроили уже въ Черноморскій флотъ — какъ во время оно водилось — гардемаринами. Тамъ они носили уже вице–мундиры съ кортиками и бѣгали иногда, въ изорванныхъ сапогахъ, на *Попову балку*, стрѣлять изъ камышевыхъ и деревянныхъ пушекъ и гонять на бойняхъ собакъ, или ходили за мостъ, выдирать изъ крутаго прибрежья гнѣзды щуровъ. Но это все равно для насъ; благо оба они пристроены и мы и Сергѣй Сергѣевичъ отъ нихъ избавились: объ нихъ у насъ, предупреждаю читателя, болѣе не будетъ и рѣчи.

Сегодня праздновали именины старшей дочери, Настасьи, а на завтра былъ день рожденія, второй, Меланіи. Эти два дня всегда праздновались вмѣстѣ, и нынѣ, какъ

изстари, гости начали съѣзжаться со всѣхъ концовъ, чтобы пропировать два праздника сряду. Выпотрошенныя курицы лежали уже чинно и попарно, на кухонномъ столѣ; старый волъ, который сходилъ уже разъ одинадцать подъ Перекопь за солью, или въ Одессу съ арнауткой, былъ преданъ семейному пиру на жертву; задорный теленокъ, который надоѣдалъ Степанидѣ Ѳоминишнѣ тѣмъ, что всегда высасывалъ дойныхъ коровъ, былъ также обреченъ съѣденію; и знаменитый Савка — поваръ, дворецкій, винокуръ, охотникъ, иногда и кучеръ, онъ же садовникъ, лекарь, коновалъ, строитель мельницъ, колодцевъ и голубятенъ, а по сему послѣднему въ особенности правая рука Дмитрія Сергѣевича, — Митеньки, который славился черногривыми, сивобокими и рыжехвостыми вертунами своими, — Савка изъ кожи лѣзъ, чтобы всѣмъ сладить, все уладить и поставить на-ноги два обѣда и два ужина. Родъ паштета, на-манеръ битаго, фрикасе безъ костей, соусъ подъ наливой, жареное сверху и снизу, чудакъ —

рыба подъ насѣчкою и спускомъ (судакъ съ подливой), дура — птица съ господскими кишками (индѣйка съ начинкой), русакъ съ прошивкой (шпигованный заяцъ) и наконецъ ижица съ точкой, то есть пирожное — такъ, только еще подробнѣе и обстоятельнѣе, доносилъ Савка Митенькѣ о качествѣ и количествѣ блюдъ для нынѣшняго обѣда, и Митя помиралъ со смѣху. А когда Савка продолжалъ: «какъ быть; надо лычко показать ремешкомъ; надо скатерть хлѣбосолку съ чернаго конца на красный хоть зубами натянуть — а лопнетъ, такъ и то не бѣда, зашилъ, зачинилъ, какъ съ гуся вода...» то Митя продолжалъ ревѣть все тѣмъ же заливнымъ хохотомъ, не понимая и не подозрѣвая даже, о чемъ тутъ идетъ рѣчь.

Наканунѣ праздника была представлена дуо–драма въ лицахъ, не въ пользу г–жи Бабачекъ, между нею и сыномъ ея Дмитріемъ. Послѣднее явленіе кончилось тѣмъ, что вся дворня столпилась въ передней, а Настя и Мелаша насилу уняли и розняли просьбами и слезами,

разгнѣванную мать и обиженнаго сыночка ея. Они немного погорячились на счетъ вопроса, какихъ лошадей велѣть заложить, чтобы послать за ближними сосѣдями, Бублинскими: Митя, изволите видѣть, съ нѣкоторыми свыкся и сжился, называлъ ихъ премудреными именами, которыхъ у Савки было въ запасѣ многое множество, называлъ ихъ своими и не хотѣлъ съ ними разстаться. Сергѣй Сергѣевичъ въ продолженіе цѣлаго представленія, игралъ на гусляхъ: «Чѣмъ тебя я огорчила,» съ варіяціями. Слѣдовательно, какъ водится, была и музыка, хотя только домашняя. У Бублинскихъ былъ взрослый уже пасынокъ, такъ его по крайней мѣрѣ обыкновенно величали — былъ пріемышъ Василько, Василій Ѳедоровичъ, о которомъ шла молва, что онъ богатъ. Вотъ почему за ними послали рыдванъ съ записочкой, не оставить имениницу посѣщеніемъ своимъ, съ фамиліею и семействомъ.

Время было около полудня и гости сильно стали съѣзжаться. Что за потѣшные снаряды для ѣзды сползлись и

сгромоздились тутъ со всѣхъ концовъ уѣзда на одинъ дворъ! тутъ рыдванъ или колымага, съ виду верблюдъ, по походкѣ черепаха; тутъ какая–то линейка, двоюродная сестра дрогамъ, на которыхъ у насъ возятъ покойниковъ; а вотъ линейка однодрогая, по два чемоданчика на сторонѣ, и къ нимъ сыромятные запоны или фартуки, смазанные дегтемъ; или, взгляните вотъ на эту двуспальную кровать, со стойками, перекладинами, съ кожанными, подбитыми ситцемъ, занавѣсами на кольцахъ; это линейка шестимѣстная, то есть, въ нее садится 12 человѣкъ. Въ тихую погоду и при небольшомъ навыкѣ всегда можно было отгадать за полверсты, кто изъ сосѣдей приближается въ колесницѣ своей, по одному стуку и бряку разшатавшихся гаекъ, шинъ, скобъ и рваней. Экипажъ Степана Власовича Пушки въ особенности славился по околодку своеродностію звука, издаваемаго имъ съ той минуты, какъ чубарый меринъ трогался съ мѣста. Степанъ Власовичъ Пушка, старый

холостякъ, отставной гусарскій маіоръ, купилъ *струментъ* этотъ, какъ самъ онъ называлъ безсмысленную колесницу свою, въ губернскомъ городѣ, съ молотка. Это случилось, какъ Степанъ Власовичъ хорошо помнилъ, въ тотъ же годъ, какъ плѣннаго Костюшку привезли въ Петербургъ; и съ тѣхъ поръ Пушка ѣздилъ безсмѣнно на этомъ *струментѣ*.

Степанъ Власовичъ былъ хохолъ во всемъ смыслѣ слова: гостепріименъ, радушенъ, шумливъ, крикливъ, шутливъ, острякъ, горячъ, хитеръ, вспыльчивъ какъ порохъ, добръ, иногда готовъ отдать другу послѣднюю рубаху; – если же маіора чѣмъ нибудь раздражали, золъ и лютъ до того, что уже не помнилъ себя. Когда разъяренный Степанъ Власовичъ вскрикивалъ бывало не своимъ голосомъ: плетей! то все падало ницъ вокругъ него и съ трепетомъ ожидало участи своей. Подгулявши, Пушка былъ гораздо добрѣе, его нелегко было разсердить, хитрость его ему измѣняла и онъ всякому повѣрялъ свои тайны. Степанъ Власовичъ былъ человѣкъ

добраго сердца и очень здраваго ума, но прикидывался неучемъ и простякомъ, и рѣзалъ всякому такую правду въ глаза, что иногда даже у неприкосновенныхъ къ дѣлу слушателей волосъ подымался дыбомъ. Пушка присвоилъ себѣ право трунить надо всѣми, дурачить кого угодно; и никто не смѣлъ за это явно и гласно сердиться, обижаться этимъ, если не хотѣлъ попасть въ постоянные и безсмѣнные дураки. Маіору, казалось, ни до чего на свѣтѣ не было дѣла, онъ не зналъ никакихъ уставовъ и общепринятыхъ условій общежитія, а жилъ независимо, на свой ладъ, говорилъ и дѣлалъ все по своему, какъ и что на умъ приходило, знался со всѣми, а всѣхъ держалъ въ какой–то зависимости отъ себя, всѣхъ невольно заставлялъ уважать себя и нѣкоторымъ образомъ даже бояться. А что скажетъ на это Степанъ Власовичъ? спрашивали всѣ сосѣди его другъ у друга или покрайней мѣрѣ сами у себя, почти каждый разъ, когда что нибудь затѣвали, когда волей или неволей подавали поводъ къ какому нибудь случаю или

происшествію. Но постояннымъ любимцемъ маіора былъ загадочный пасынокъ Бублинскихъ, Василько. Съ этимъ они сиживали и толковали по цѣлымъ часамъ о всякой всячинѣ, и не рѣдко про себя, избѣгая повидимому третьяго собесѣдника.

И такъ, стукотня и брякотня колесъ и дрогъ, крикъ кучеровъ, лай собакъ, объятія и звонкія лобзанія, все это частію угомонилось, а частію переселилось на задній дворъ, гдѣ откладывали лошадей, устанавливали колымаги, убирали упряжь, здоровались съ приправою сочныхъ и пряныхъ прибаутокъ и расхищали, съ крикомъ, шумомъ и смѣхомъ стожокъ плохенькаго, гостиннаго сѣнца. Одинъ клялся и божился, что сѣно это бурьяну близко сродни приходится; другой, что кони его храпятъ и боятся этого сѣна; третій увѣрялъ, что на однихъ репьяхъ, коли выбрать ихъ изъ охабки этого сѣна, можно настоять бочку грушеваго квасу, и проч.

Между тѣмъ въ барскихъ покояхъ все шло своимъ чередомъ и порядкомъ. Барыни

въ гостинной чинно насидѣлись; барышни, столпившись вкругъ холодной печи, нашушукались вдоволь; молодежь кавалерскаго полу, въ брызжахъ, въ ситцевыхъ шейныхъ платкахъ, подъ цвѣтъ платьямъ барышень, нашаркались, наломались и наловили съ три короба невзначай оброненныхъ миловидныхъ взоровъ и вздоховъ и вытерли стѣны и двери спинами своими вокругъ; Сергѣй Сергѣевичъ обошелъ уже все честное и почетное общество съ двумя огромными подносами, слѣдовавшими за нимъ по пятамъ, и низко кланялся передъ каждымъ гостемъ и говорилъ едва слышнымъ, несмѣлымъ и сладенькимъ голосомъ своимъ: «извольте, матушка, или батюшка, покушать — не прогнѣваться, почтить насъ, отвѣдать наливочки домашней, какова ни есть, жена да дѣти стряпали» — и получивъ отказъ или приказъ, продолжалъ, кланяясь: «терновки не угодно ли, а вотъ вишневка–съ, вотъ и смородиновка — или вы, можетъ, черной смородиновки не изволите кушать? вотъ и горькая... да хоть закусить не угодно

ли чего...» Савка живо скинулъ съ себя черный поварской передникъ свой, чтобы съиграть дворецкаго, уговорилъ Митеньку, который все еще сидѣлъ на кухнѣ, снять съ плечъ своихъ и отдать ему на одинъ мигъ зеленый фракъ свой и часы, и замотавъ очень искусно одну руку въ салфетку, вошелъ въ гостинную и доложилъ громко и отрывисто, что кушать подали. Савка былъ малый бывалый, зналъ какъ что водится и дѣлается, и на этотъ счетъ даже сама Степанида Ѳоминишна съ нимъ не спорила, если только затѣи его не требовали новыхъ расходовъ.

По слову вставшей съ мѣста хозяйки: «милости просимъ», вся армада снялась съ якоря. Старики и старухи начали пароваться, подавая и принимая, съ обязательнымъ словомъ или взглядомъ, локоть и руку, а молодцы наши стояли, ощипываясь и охорашиваясь неподвижно по стѣнамъ; дѣвицы, пошушукавъ и пощебетавъ, обнявшись всѣ въ одну плетеницу, насилу протѣснились въ дверь столовой. Наконецъ и кавалерія, послѣ

убѣдительныхъ приглашенiй хозяина, приступая и отступая опять до нѣсколькихъ разъ, тронулась всей гурьбой, выдвинулась въ столовую и выстроилась тамъ снова по стѣнамъ. Одинъ только Василько подошелъ къ Мелашѣ и свелъ ее къ обѣду: именинница ушла уже въ первой парѣ, съ маiоромъ. Когда все это разсѣлось, размѣстилось, примостилось и угомонилось, то для меня всего любопытнѣе былъ — рядъ чепцовъ чинно усѣвшихся пожилыхъ барынь. Это въ самомъ дѣлѣ было диковинное собранiе какихъ–то единственныхъ въ своемъ родѣ кисейныхъ, филёшевыхъ и петинетовыхъ — тряпицъ этихъ тогда еще не называли тюлемъ и газомъ — кисейныхъ корабликовъ, цвѣтниковъ, вавилонскихъ башенъ и китайскихъ бесѣдокъ съ флюгарками и бубенчиками. Савка каждый разъ, послѣ такого праздника, подавалъ вечеромъ на сальныя свѣчи хитро вырѣзанныя и сложенныя бумажныя фигурки, новаго покроя, и увѣрялъ, что снялъ выкройку съ чепца Анны Ивановны, или Авдотьи

Поликарповны. Злые языки между прочимъ разсказывали, какъ извѣстное дѣло, что Авдотьѣ Поликарповнѣ мужъ ея, въ былое время, привезъ изъ столицы шляпку и чепчикъ: при укупоркѣ вещей этихъ, маршандемодка надѣла чепчикъ на шляпку; но Авдотьѣ Поликарповнѣ это и въ голову не пришло: она разъѣзжала всюду въ шляпкѣ, на тулью которой вздѣтъ былъ чепчикъ, и увѣряла всѣхъ, что нынѣ такая мода, что это прислано прямо изъ столицы. А что завезенный въ кои–вѣки разъ чепецъ новаго покроя надѣвали задомъ напередъ, или бочкомъ и на изнанку, къ этому уже такъ привыкли въ окрестностяхъ Шпиговки, что даже почти не смѣялись, если дѣло и обнаруживалось и чепецъ, оборотившись, садился, какъ слѣдуетъ, на свое мѣсто. Изо–всего этого читатели видятъ, что Савкѣ было подлинно съ чего сымать выкройки и образцы для испанскихъ воротниковъ своихъ на сальныя свѣчи.

Дурное вино расходилось, какъ шербетъ на байрамѣ; старички начали уже сопровождать жаркія пренія свои о

политикѣ и винокурнѣ движеніями ножей и вилокъ по воздуху; тетушки да кумушки сплетничали, приговаривали да поддакивали такъ, что любо слушать; барышни уже не только чирикали про себя, а вступали подъ шумокъ въ разговоръ съ супротивною шеренгою молодежи. Разговоръ этотъ конечно грузился только на плоскодонную разшиву и потому, не пускаясь въ открытое море, держался отмелей и береговъ; — это была, такъ сказать, бесѣда каботажная, прибережная; но что нужды, все таки дѣло шло впередъ, общее веселье распространялось. Голосъ Степана Власовича раздавался уже черезъ всю столовую, прикрикивалъ и заглушалъ десять голосовъ, которые не успѣвали отшучиваться и отвертываться отъ колкихъ и рѣзкихъ его замѣчаній. Всеобщій хохотъ разливался иногда по всему столу и старички утирали кулакомъ крупныя слезы. Вдругъ двинулся стулъ — другой — третій — барыни и барышни соскочили, столпились въ кучу — «що тамъ таки?» спросилъ Пушка, поднявъ рюмку и протянувъ шею.

«Ирина Титовна упала въ обморокъ, ей сдѣлалось дурно.» — Впала? — возразилъ маіоръ, — ще тая буйволыця колысь кого нибудь задавыть — и выпилъ спокойно свою рюмку. Между тѣмъ Савка вбѣжалъ опрометью съ бутылкою цымлянскаго, что нынѣ шампанское, безъ котораго, какъ вы знаете, у насъ на Руси именинъ не бываетъ, и чуть не сбилъ съ ногъ, или вѣрнѣе съ рукъ, Ирину Титовну, которую несли укладывать на постель. Савка стоялъ въ четвертой позиціи, натиснувъ пробку на бутылку и казалось спрашивалъ всѣхъ бѣглымъ взоромъ: что же изъ этого будетъ? Хозяева опять просили садиться, но маіоръ, вставъ, громогласно сказалъ: «не садыться, бо впьять будете уставать: за здоровье имьянынныцы! кто живъ, кто у Бога вируе, кричитъ ура!» Ура! раздалось по цѣлому дому — Пушка провелъ ловко рюмкою по всѣмъ пуговицамъ гусарской бекешки своей, снизу вверхъ и сверху внизъ, и разбилъ рюмку въ дребезги о каблукъ, замѣтивъ: «шкода, що нема шпорывъ!» Настасья, именинница, взяла высокую и

поджарую рюмку въ руки, всѣ зашишикали. Настя присѣла, отблагодарила смѣлымъ голосомъ, въ избранныхъ выраженіяхъ, поздравителей своихъ и ущипнула губками клубящуюся пѣну.

Шумный рой началъ расходиться гораздо съ меньшею жеманностію, чѣмъ садился за столъ. Шумъ, хохотъ, разговоры, непринужденно переселились въ гостинную. Неуклюжіе Ганимеды въ полосатыхъ, тиковыхъ курткахъ и набойчатыхъ шейныхъ платкахъ, взятые съ псарни и съ конюшни, разносили кофе, избочениваясь и перегибаясь со страхомъ впередъ и на бокъ поднося огромный подносъ каждому гостю подъ локоть. Вскорѣ все по маленьку утихло; гости разбрелись туда и сюда, по закоулкамъ и отводнымъ покоямъ, для отдыху. Русскій человѣкъ любитъ поѣвши отдохнуть, и въ деревняхъ нашихъ, особенно собираясь пировать два, три дня сряду, обычай этотъ еще не выводится.

Василько отправился въ садъ съ однимъ человѣкомъ, который долго не зналъ какъ

къ нему приступиться, но наконецъ, скрѣпя сердце, подошелъ и просилъ Василія Ѳедоровича, робко и смиренно, пособить ему устроить какой–то сюрпризецъ, — потѣшные огни.

Человѣкъ этотъ, которого мы за большимъ столомъ именинницы не видали, отобѣдалъ за дѣтскимъ столомъ, съ Ѳедей, Гришей, Филей и Сашей, съ младшими хозяйскими сыновьями. Это былъ учитель и воспитатель, кандидатъ философіи Евстратъ Богдановичъ Горемыкинъ. Онъ, сидя за учебнымъ столомъ съ воспитанниками своими, давно уже повытеръ локти на казиміровомъ фракѣ своемъ, а новаго еще не заработалъ. Впрочемъ Евстрата Богдановича кормили въ обыкновенные дни за общимъ столомъ; а сверхъ того, Сергѣй Сергѣевичъ насыпалъ ему иногда, тайкомъ отъ супруги своей, въ корковую табакерку съ портретомъ Блюхера, роменскаго табаку и разговаривалъ съ Горемыкинымъ по вечерамъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, о политикѣ, о наукахъ, о хозяйствѣ, и тогда Евстрату Богдановичу

приносили даже, для компаніи, стаканчикъ слабенькаго пуншу. Пуншъ этотъ приготовлялся впрочемъ съ кизлярскою водкою и клюквеннымъ сокомъ. Евстратъ былъ добрый, хорошій малый, съ умомъ и способностями; но школьное, тупое, убійственное воспитаніе заморило все, что только пыталось выказать отростки свои наружу, на этой довольно плодородной почвѣ. Евстратъ сильно начиналъ чувствовать это, но не зналъ и не понималъ еще въ чемъ дѣло. Сравненіе себя съ Василькомъ, который воспитывался дома, самъ собой, не видалъ еще въ глаза ни семинаріи, ни свѣтскаго училища, на которомъ не было еще никакого ученаго званія, казалось Евстрату для себя самого невыгоднымъ и вотъ что подало ему первый поводъ къ раздумью. До выводовъ заключеній Горемыкинъ еще не добрался. Сверхъ того бѣднякъ, при нынѣшнемъ мѣстѣ своемъ, былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, былъ убитъ духомъ. Робко и не смѣло спрашивалъ онъ утромъ, одѣваясь, недочищенные сапоги свои, съ оглядкою

садился въ обѣдъ за столъ послѣднимъ, давъ всѣмъ сперва усѣсться и тихо и осторожно снималъ съ себя вечеромъ изношенный фракъ свой, не смѣя даже его встряхнуть, хотя и зналъ напередъ, что фракъ этотъ останется на другой день нечищеннымъ. Громкаго разговора Евстратъ никогда и ни съ кѣмъ не осмѣливался заводить; гдѣ разговаривали двое или трое, тамъ Евстратъ только слушалъ, самъ же изрѣдка заводилъ бесѣду особнякомъ, и дѣлалъ это скромно, осторожно, какъ будто ощупывая напередъ носкомъ сапога мѣсто, на которое хотѣлъ ступить, чтобы не обмолвиться, не оступиться; если же подходилъ другой и третій и начинали рѣшать и спорить вслухъ, тогда Евстратъ отступалъ шага два назадъ и замолкалъ. Ѳедю, Гришу, Филю и Сашу, называлъ онъ всегда по батюшкѣ, Сергѣевичами, и даже знаменитаго Савку не иначе какъ Савеліемъ Ивановичемъ.

Итакъ Горемыкинъ отправился съ Василькомъ въ садъ. Проходя по боковой дорожкѣ, этотъ увидалъ мелькомъ бѣлое

платьеце и желтозеленый фракъ. Онъ взглянулъ только и промолчалъ; Горемыкинъ, казалось, ничего не видалъ. Въ полуразрушенной обширной красной бесѣдкѣ, давно уже предоставленной въ собственность воробьямъ и галкамъ, на самомъ концѣ безконечнаго сада, всѣ стѣны были увѣшаны и уставлены ракетами, колесами, бураками, римскими свѣчами; а сѣра, селитра, антимонiй, мякоть, штопинъ и другiе припасы покрывали полъ и лавки. Савка былъ уже тутъ и поплевывая заклеивалъ и замазывалъ тутъ и тамъ разныя погрѣшности. «У насъ», началъ онъ, «нѣтъ масляны безъ блиновъ, нѣтъ святой безъ яицъ; спасибо, что пожаловали, Василiй Ѳедоровичъ: наши подымашечки, подлетушечки, подземельнички, повертушечки, попрыгушечки и кресалочки только васъ и ждали: извольте дать распорядокъ, а уже все готово.» Василько осмотрѣлъ все, далъ совѣтъ свой какъ что разставить и самъ началъ помогать. Была тутъ и вяземская коврыжка, какъ Савка звалъ ее, то есть небольшой щитъ съ

вензелемъ Настасьи, знаменитой именинницы.

«Это хорошо, Евстратъ Богдановичъ», сказалъ Василько, «что вы и объ этомъ подумали — вы, кажется, каждый домашній праздникъ встрѣчаете какою нибудь потѣхою?»

Евстратъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Я съ вами, Василій Ѳедоровичъ, говорю какъ–то смѣлѣе, чѣмъ съ другими, и я вамъ признаюсь, что меня потѣхи эти не тѣшатъ. Правда, что я же самъ всему виноватъ; я самъ и отъ себя въ первый разъ на это напросился; но намѣреніе мое было склонить дѣтей Степаниды Ѳоминишны принять въ этомъ участіе, я хотѣлъ, чтобы они обрадовали чѣмъ нибудь родителей своихъ, но вышло не то. Сюрпризы эти вошли нынѣ въ кругъ обязанностей моихъ, съ меня ихъ требуютъ, спрашиваютъ; и это сдѣлалось уже собственно моимъ дѣломъ, а не дѣтей, для которыхъ я было все это затѣялъ. Барышни, особенно Меланья Сергѣевна, этотъ ангелъ доброты, мнѣ всегда охотно помогали; а воспитанники

мои...» — въ это время голосъ Савки раздался позади ихъ; они оглянулись — Ѳедя, Гриша, Филя и Саша лукали камешками черезъ тынъ въ разставленныя колеса, и послышавъ голоса Горемыкина и Василька, прыснули, какъ шаловливыя кошки, во всѣ четыре стороны.

Солнце уже садилось, когда товарищи наши все уладили и разставили и возвращались въ барскій домъ. Здѣсь встрѣтили они на крыльцѣ Митеньку, босикомъ и безъ кафтана. Митя, изволите видѣть, попраздновалъ именины сестрицы не хуже другихъ, а потомъ, когда всѣ гости разошлись, уснулъ на просторѣ въ диванной, разувшись и раздѣвшись. Очнувшись подъ вечеръ, онъ увидалъ, что гости уже собираются въ залѣ и въ диванной — Митя схватился, выскочилъ безъ оглядки на крыльце, въ садъ, и сидѣлъ тамъ и ждалъ подмоги. Горемыкинъ долженъ былъ его выручить, вынести ему въ садъ сапоги и фракъ.

Какъ только смерклось и подали свѣчи, то два хлопца въ тиковой ливреѣ своей

вынесли изъ заднихъ комнатъ съ большою осторожностію знаменитые гусли. Сергѣй Сергѣевичъ шелъ за ними шажкомъ и тихомолкомъ, понюхивая табачекъ, покрякивая и утираясь свернутымъ въ тугой клубочекъ клѣтчатымъ платкомъ. Въ дверяхъ попотчивалъ онъ Евстрата табакомъ, все молча, но кругленькіе глазки сверкали, удовольствіе выражалось на лицѣ, видно было, что гусли эти составляютъ всю отраду и все приволье Сергѣя Сергѣевича. Радостныя восклицанія дѣвицъ, вполголоса, встрѣтили эту нечаянность. Чтобы не занимать лишняго мѣста, художникъ сталъ съ гуслями своими въ уголокъ, положивъ ихъ на пару обороченныхъ другъ къ другу спинками стульевъ. Молча вздернулъ Сергѣй Сергѣевичъ рукава сюртука своего въ поллоктя и наложилъ пальцы на струны. «Баянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то ростекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки — вѣщіе персты на живая струны вскладаше, они же сами славу

рокотаху!» Сергѣй Сергѣевичъ въ особенности славился бывало въ кругу знатоковъ тѣмъ, что съ большимъ искусствомъ и ловкостію накрывалъ пястью и локтемъ струны, гдѣ надо было, при переходахъ, заглушить прежніе звуки.

Барышни похаживали, цѣпляясь другъ за дружку, и напередъ уже обмахивались платочками; кавалерія расправляла плечи и перчатки, перестегивалась и выправлялась, будто ожидая команды: смирно! И Митя вошелъ было, остегнувшись на всѣ пять пуговицъ, но покосившись на всѣхъ изподлобья, ушелъ опять на псарню. Изъ дѣвичей раздавался рѣзкій и тонкій голосокъ Степаниды Ѳоминишны, а Сергѣй Сергѣевичъ вторилъ отрывисто на басахъ самогудовъ своихъ. Въ гостиной раскидывали зеленый столъ и Савка старательно сколачивалъ молоткомъ, измѣнившія на этотъ разъ, мѣдныя петли. Сергѣй Сергѣевичъ счелъ за благо покрыть всѣ разнородные отголоски эти по возможности громкимъ и сильнымъ созвучіемъ, ударилъ въ струны, сдѣлалъ

переходъ и покачивая легонько шарообразной головой своей съ плеча на плечо въ ладъ и въ мѣру, которая была на этотъ разъ не помню $^{6}/_{8}$ или $^{3}/_{4}$, произвелъ на свѣтъ знаменитый въ свое время польскій: *Славься симъ Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать*.

Степанъ Власовичъ, въ гусарской бекешкѣ своей, открылъ уже съ хозяйкою дома балъ; всѣ слѣдовали его примѣру, пара за парой шаркали уже длинной, дугообразной вереницей по залѣ, присѣдая немножко и отмѣчая головой осьмухи. — Степанъ Власовичъ выкинулъ какую–то прехитрую фигуру, гдѣ надобно было каждой парѣ разойтись, обойти кругъ и опять слиться въ одно цѣлое; штука эта произвела небольшое замѣшательство, пары разбились, кавалеры шаркали сами по себѣ, а дамы, въ нерѣшимости, взглядывались, пріостанавливались и перебили очередь; Степанъ Власовичъ кричалъ, командовалъ и суетился...

Въ это время — нѣтъ, тутъ нужна кисть, а не перо! въ это самое мгновеніе свора

гончихъ молодаго барина, на смычкѣ, съ воемъ и лаемъ кидается опрометью, зря, въ средину пестрыхъ и чопорныхъ рядовъ, сбиваетъ съ ногъ безъ разбору, кто первый попался; дамы врознь, съ крикомъ и визгомъ, кавалеры въ погоню за гончими — и Митя вбѣгаетъ запыхавшись, съ арапникомъ въ рукахъ: «Налетъ! Ползунъ!...» но Налетъ и Ползунъ одурѣли, кидаются въ уголъ, гдѣ пріютился Сергѣй Сергѣевичъ съ музыкой своей — Митя стегнулъ одного изъ нихъ арапникомъ — Ползунъ подъ гусли, а Налетъ черезъ гусли, и попались самогуды наши въ смычекъ, какъ въ бредень! полетѣли они сердечные, загремѣли и разсыпались.

Сергѣй Сергѣевичъ отскочилъ въ сторону, тяжело вздохнулъ, повертывалъ табакерку и не говорилъ ни слова; ахнуло все общество, отъ мала до велика; Митя стегалъ собакъ, собаки выли, Ирина Титовна, сидя въ диванной, обомлѣла, а Степанида Ѳоминишна, завопивъ пронзительнымъ голосомъ: «этотъ извергъ

уморитъ меня!» кинулась и вцѣпилась въ волосы ненагляднаго чада своего.

Вдругъ въ саду раздался выстрѣлъ — другой, третій — всѣ кинулись къ окнамъ, на крыльце — смотрите! ракеты! бураки!... крикъ, смѣхъ, суетня, ахи, да охи — все улетѣло въ садъ, до послѣдней горничной и тиковаго хлопца.

Василько, Горемыкинъ и Савка кинулись съ изумленіемъ къ своему созданію и не знали на что рѣшиться, что начать. Но спрашивать и разбирать: что это значитъ, кто зажегъ? — было некогда; ракеты летѣли, бураки грохотали, а отъ нихъ проведены были неугасимые штопины къ колесамъ и пирамидамъ. «Дѣлать нечего,» сказалъ Василько, «по мѣстамъ, и жечь все какъ условились. Сюрпризъ нашъ удался, чего же больше?»

Въ самомъ дѣлѣ, надобно признаться, что бураки загрохотали во время. Чѣмъ бы кончился поединокъ Степаниды Ѳоминишны съ Митей, чѣмъ вся эта суматоха и тревога, еслибы ракеты не

заставили всѣхъ забыть, хоть на минуту, что передъ ними происходило?

«Ахъ, какъ мило! безподобно! Чудесно! ужасно хорошо, только страшно немного... О нѣтъ, неужели вы боитесь?» — такъ раздавалось въ толпѣ зрителей, между тѣмъ какъ Савка суетился какъ бѣсъ передъ заутреней и благословлялъ подлетушечки свои, брызгалочки и кресалочки.

Все кончилось благополучно; счастливый Евстратъ Богдановичъ похвалъ не обобрался; общество стало веселѣе, развязнѣе, болѣе перемѣшалось, забыли даже на время о гусляхъ, которыя огорченный Сергѣй Сергѣевичъ собралъ своеручно и снесъ въ свой покойчикъ, не заботясь о буракахъ; гости усѣлись тутъ и тамъ и бесѣдовали безъ чиновъ; Степанидѣ Ѳоминишнѣ удалось таки, съ помощію кумушекъ, залучить Василька и заставить его поразговориться съ Мелашей, которая впрочемъ почти только отвѣчала черезъ сговорчивыя уста своихъ переводчицъ, до того была она запугана этимъ суженымъ и уроками, какъ съ нимъ обходиться и что

ему говорить, и какъ быть съ нимъ поласковѣе.

Вдругъ опять шумъ и тревога, суетня, разговоръ, гдѣ шопотомъ, гдѣ вслухъ — говорятъ: «ушли, бѣжали, увезъ, сманилъ, пропали безъ вѣсти...» Ирина Титовна упала въ обморокъ; кричатъ: «Савка! Сенька! Фомка! лошадей — коляску — дрожки.» Василько вспомнилъ невольно бѣлую пастушку и зеленаго турухтанчика въ саду, оглянулся, чтобы обѣжать глазами общество...

Пожаръ! раздалось вдругъ со всѣхъ концовъ, пожаръ! домъ горитъ — и кавалерія вся кинулась съ топотомъ, на рысяхъ, къ дверямъ и окнамъ, между тѣмъ какъ слабый полъ весь боролся уже между жизнію и смертію. Мелаша, взглянувъ на яркое пламя среди теми ночной, вскрикнула и накрыла лице руками; Ирина Титовна вскочила, опамятовавшись, и спрашивала: гдѣ пожаръ?

Весь дворъ стоялъ въ свѣтломъ пламени. Гости суетились на одномъ мѣстѣ, или бѣгали безъ толку; давали совѣты,

кричали, командовали, а взяться за дѣло было некому. Нѣсколько дворовыхъ и чужіе кучера, также метались туда и сюда, а мужиковъ изъ деревни не видать было ни одного. Маіоръ, Василько, а съ ними Горемыкинъ, въ ту же минуту кинулися къ огню. Степанъ Власовичъ также кричалъ и распоряжался, но по своему: ухвативъ каждаго праздношатающагося зрителя за–воротъ, не спрашивая кто онъ, гость или хозяинъ, кучеръ или баринъ, онъ оглушалъ его градомъ проклятій и тащилъ, не давъ опомниться, на рысяхъ, туда, гдѣ нужны были руки, приговаривая: «Это не потѣшные огни, трясця тебѣ съ болячками, это домъ горитъ», и заставлялъ приниматься въ ту–жъ минуту за работу.

Въ пламени стояла о–сю–пору одна только Митина голубятня, но она примыкала почти вплоть къ сараямъ и конюшнѣ; а всѣ строенія эти были крыты соломою. Василько однимъ взглядомъ разсмотрѣлъ и сообразилъ все, успѣлъ уже ухватить гдѣ–то топоръ и кинулся подрубать бревно, на которомъ Савка

искусно умостилъ всю голубятню. Между тѣмъ расторопный Савка взобрался уже по столбу вверхъ и привязалъ къ нему веревку, чтобы свалить голубятню на просторное мѣсто, не дать ей упасть на одно изъ сосѣднихъ строеній. Грибокъ свалили, растащили врознь головни, залили, а Василько между тѣмъ распоряжался уже на кровлѣ конюшни и увидѣлъ оттуда, на противу–стоящемъ сараѣ, маіора. Погрозивъ ему кулакомъ, Пушка закричалъ: «молодецъ, каналія, разцилую!» Къ счастію не было вѣтру; раздергали солому, залили тлѣвшійся тутъ и тамъ огонь, и дѣло было кончено; приставивъ людей для присмотру, всѣ возвратились въ покои.

Когда узнали, что вся бѣда ограничивалась уничтоженіемъ Митиной голубятни, боровика, какъ Савка ее называлъ, и утратою голубей, за которыми Митя лазилъ теперь съ крикомъ и воемъ по кровлямъ и кричалъ, чтобы ему скорѣе подали силокъ, — когда все это объяснилось, то страхъ и ужасъ миновался,

роковой ударъ пронесся мимо. Василько въ глазахъ всѣхъ показалъ себя молодцомъ; старый маіоръ также, а сверхъ того еще насмѣшилъ всѣхъ, заставивъ чопорныхъ и щепетныхъ кавалеровъ лѣзть за собою на кровлю и таскать воду. Стыда ради и они прикинулись, что дѣлали все это охотно и красно разсуждали объ обязанности всякаго приниматься въ такомъ случаѣ за дѣло своими руками, а не кричать и командовать, потому–де, что крикомъ изба не рубится. И крута гора, говорится, да забывчива; бѣда миновалась и страхъ прошелъ. Общее веселье завладѣло снова всѣми, всякая принужденность исчезла, всѣ радовались, что бѣдоносная туча пронеслась, всѣ были веселы и очень говорливы.

Маіоръ съ Василькомъ вошли переодѣтые — и шумный рой тетушекъ и кумушекъ имъ на встрѣчу, и хозяйская чета низко кланялась и благодарила. Маіоръ поцѣловалъ еще разъ Василька, при всѣхъ, назвалъ его канальею, и сказалъ «молодець детына, яжъ кожу що молодець. Якъ

ухопывъ сокиру — та де винъ іи у биса надыбавъ? якъ пишовъ лагодыть, не наче дванадцятеро ципомъ арнаутку молотять... Пономарь!» сказалъ онъ, оборотившись къ Евстрату, «а де винъ? онъ–де! Не мыкай горе, и ты таки свое узявъ! А вы» продолжалъ маіоръ, относясь ко всему честному обществу, «а вы, скажить мини, чи вы гости, чи вы паны, чи вы люде? чи вы зъ сахару та зъ меду, або мабудь и сами изъ соломы пороблены, що боитеся осмалыться на огни, растопиться на води? Стоять мои хлопци, просты Господы, якъ намалёваны хранцузы при узятіи Парыжа, стоять, та тилько дывляться соби! дывытьсяжъ якъ уже на те пишло, дывыться уси: пиды сюда мамочко моя, мое сердце, де ты? не бигай сынку!» и за словомъ взялъ за руку крестницу свою, Мелашу, которая хотѣла было ускользнуть, и вывелъ ее напередъ — «дывиться, чомъ вона у рябенькому платьи, а була у билому? а? глядыжъ на мине, моя комашечка, та не ховайся — вона, бачете, воду на соби у гличику носыла изъ ставка,

биля воротъ, та подавала народови, щобъ залывалы. Отъ винъ,» указавъ на Василька, «якъ ведмедь, узявъ, та звалывъ, та поламавъ; а вона, якъ касаточка, по зерну, та по копельки — а; и Богъ мылосердый послухавъ, нема пожару! Батько, Мате! отъ вамъ на сегодня та на завтра прынцъ и зъ прынцесою; вына швыдче — а прыкажить лишень справди вына податы — за здоровье прынца мого зъ прынцесою! Ура!»

Вина подали, принцъ съ принцессою, по настоянію маіора, къ которому пристали и тетушки и кумушки, должны были поцѣловаться, гости кричали ура и запивали виномъ. Пушка, съ замѣчаніемъ: «старый грихъ у михъ» — приказывалъ всѣмъ забыть, что онъ пожурилъ, а затѣмъ радоваться и веселиться.

Все это хозяйкѣ дома и неутомимымъ, всемірнымъ свахамъ чрезвычайно нравилось. Дѣло, казалось, рѣшено, что изъ Василька съ Мелашей должна вскорѣ вытти пара, это конечно и *кукса,* то есть безпалый, по перстамъ сочтетъ. О Настасьѣ Степанида Ѳоминишна меньше заботилась;

Настя была не такъ робка и застѣнчива, выше, виднѣе и дороднѣе сестры своей и умѣла уже сама себя показать лицемъ.

Теперь только спохватились, послѣ суматохи, Авдотьи Поликарповны, которая во все время пожара кричала на дворѣ своего Мишку и не могла его докричаться, потому что маіоръ отпустилъ ему уже два полновѣсныхъ подзатыльника, заставляя его лѣзть на сарай. Авдотья Поликарповна была внѣ себя отъ ужаса, но ее напугалъ не пожаръ, а бѣгство дочери ея, Улиньки, съ отставнымъ корнетомъ въ желто–зеленомъ фракѣ. Корнетъ этотъ, вступивъ послѣ отставки отъ Марса въ службу стариннаго русскаго божка Леля, сдѣлался неукротимымъ поэтомъ и взялъ приступомъ недоступную для другихъ твердыню сердца Улиньки. Говорятъ, что у осаждателя были при этомъ разные приступныхъ и подкопныхъ дѣлъ мастера и хитрые городоимцы; что отставной корнетъ умѣлъ воспользоваться также оплошностію коменданта и искусствомъ льстивыхъ лазутчиковъ своихъ, акростиховъ и

мадригаловъ; конецъ концовъ, гарнизонъ сдался на капитуляцію, хотя Авдотья Поликарповна, подъ природнымъ покровительствомъ коей состояла спорная крѣпостца, рѣшительно объявила бездомному и безкровному корнету, чтобы онъ не безпокоился, чтобы и въ голову не забиралъ себѣ такихъ пустяковъ, потому что Улиньки ему не видать какъ ушей своихъ; побѣдитель же, воспользовавшись правомъ завоевателя, нынѣшнею суматохою и помощію Ирины Титовны, увелъ милую плѣнницу свою и съ нею скрылся. Онъ же, отчаянный любовникъ нашъ, поджегъ тайкомъ потѣшные огни Евстрата, чтобы нечаянность эта надѣлала еще болѣе тревоги и чтобы отвлечь общее вниманіе отъ своего предпріятія. На военномъ языкѣ это называется демонстраціею, диверсіею, для отвлеченія непріятеля; и отставной корнетъ нашъ, какъ видите, былъ въ своемъ родѣ большой стратегикъ. Всѣ выбѣжали въ садъ. Забавнѣе всего было то, что Сергѣй Сергѣевичъ, оставшись въ это время преспокойно въ залѣ, гдѣ вздыхалъ надъ

бренными останками гуслей своихъ, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, и увидавъ Улиньку, которая шла закутавшись черезъ залу въ сѣни, схватилъ свѣчу и кинулся ее провожать, такъ какъ въ цѣломъ домѣ ни было ни одного хлопца, а всѣ выбѣжали въ садъ. Сергѣй Сергѣевичъ проводилъ Улиньку до приступка, дождался покуда она съ корнетомъ своимъ усѣлась въ карету Ирины Титовны, поклонился низехонько, карета покатила, а Сергѣй Сергѣевичъ воротился спокойно, со свѣчею въ рукахъ, собирать свои гусли; ему и въ голову не приходило, чтобы онъ такимъ образомъ способствовалъ похищенію; онъ провожалъ гостей, былъ занятъ постигшимъ его бѣдствіемъ и больше ни о чемъ не думалъ.

Между тѣмъ, Авдотья Поликарповна докричалась Митьки своего нѣсколько прежде, чѣмъ пожарная суматоха окончательно угомонилась, дала ему въ потьмахъ собственноручный строжайшій выговоръ за ротозейство, сѣла и уѣхала домой. Надобно было послать мужа, который былъ нездоровъ и сидѣлъ дома, въ

погоню за дочерью. Авдотья Поликарповна приготовила уже мысленно убѣдительную привѣтственную рѣчь для бѣднаго своего сожителя, рѣчь, отъ которой онъ долженъ былъ мгновенно выздоровѣть, подняться на ноги и скакать за дочерью, потому–что всему, видите, виною было несмотрѣніе его, послабленіе и безпечность.

Услужливые языки хотѣли свалить причину пожара на потѣшные огни Евстрата; но къ счастію вскорѣ открылось, что Митя лазилъ съ огнемъ на голубятню, оставилъ тамъ огарокъ, отъ котораго солома загорѣлась и обхватила въ одну минуту всю кровлю боровика.

Было уже не совсѣмъ рано, вечеръ на исходѣ, но всѣ вечернія приключенія разогнали у гостей сонъ, а барышни объявили, что разбитые гусли, пожаръ и наконецъ похищеніе Улиньки, такъ ихъ напугали, что они спать итти боятся и хотятъ еще посидѣть. Рѣшено было, что расходиться рано; но что начать? музыки нѣтъ, и не одинъ молодецъ охорашивался уже, горя нетерпѣніемъ разыграть дюжину

другую сочныхъ фантовъ — какъ Василько вдругъ сказалъ дѣвицамъ: «Кажется, барышни, вы бы охотно, послѣ сегоднишней тревоги, отдохнули, сѣли бы въ кружокъ въ диванной и послушали–бъ какую нибудь сказочку; не такъ ли?»

Слово это сказано было, во время и у мѣста; лучшаго нельзя было выдумать. Въ самомъ дѣлѣ, общее расположеніе было именно такое, какъ Василько сказалъ. Всѣ барышни столпились, какъ пчелки, въ угольной, на диванѣ. Принцъ съ принцессой сѣли, по общему приговору, рядкомъ, остальные пріютились вокругъ, всякій искалъ уголка и мѣстечка: старички и старухи частію ушли на покой, частію доканчивали растроенный бостонъ, а частію подсѣли тутъ же; Савка вошелъ, пробрался въ кружокъ, подвернулъ на полу ноги калачикомъ и началъ такъ*):

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынѣ сказка пошла

*) Можетъ статься, Савка говорилъ сказку свою и не отъ слова до слова какъ она у насъ напечатана: упомнить всю наизусть было трудно; онъ же мѣшалъ на половину украинскія слова. Мы написали ее, стараясь отступать отъ словъ разсказчика сколько можно менѣе.

гульливая! люди сложили, такъ отколѣ нибудь да взяли; а мы вѣры неймемъ, затѣмъ, что сами не видали.

Было–ль то въ царствѣ, было ли въ государствѣ, аль запросто въ вольной землѣ, а жилъ былъ, промежъ воеводъ да бояръ, богатый князь, по имени Крутояръ. А коли звали его и не Крутояромъ, такъ и то пусть такъ, даромъ; звали не звали, да мы такъ прозвали. — Богатства было у князя вольное приволье и жить бы ему потѣха и раздолье — да одолѣла князя дума потайная, что кручина сердце сушитъ, кручинушка злая. Полюбилась князю дѣвица, краса–дѣвка бѣлолица, и позвалъ князь цыганку–ворожейку. «Ой», говоритъ, «ворожейка ты, ворожея, ты мнѣ службу сослужи; загадай ты мнѣ да скажи, какая мнѣ написана въ женитьбѣ доля, многоль увижу добра да счастія, многоль надъ головой моей будетъ ненастья?»

Какъ раскинула цыганка да развела, какъ на руку ему глянула да концы свела, такъ головой про себя покачала, да опять поворожила, да на руку шептала. —

«Нѣтъ», говоритъ, «золотой мой бояринъ, видно такъ тому и быть, свою долю не переспоришь; хочешь мирись, не хочешь, повздоришь, а она возметъ свое, на томъ постоитъ. Тебѣ на роду написано жениться, а дѣтища не видать; видно такъ тому и случиться.»

Вотъ и взяло раздумье князя Крутояра; «на когожъ я», говоритъ, «положу свое достоинство княжье, кто вынесетъ на себѣ мою честную честь, кто мою славную славу, коли не быть отъ корня моего ни единому отростку?» думалъ онъ думалъ — «вретъ,» говоритъ, «шальная ворожея цыганка, вретъ отъ того, что больно зазналась; посѣчь было бъ ее, такъ авось бы и призналась. Приведите ее сюда!» хвать–хвать за цыганкой, туда–сюда — нѣтъ цыганки, ушла и пропала, слѣду не покинула, вѣсти не присылала.

И долго ли нѣтъ ли съ раздумьемъ князь носился, а думалъ, да думалъ, да взялъ и женился. И что ему дѣлается? денегъ много; пьетъ да гуляетъ, да молодую княжну тѣшитъ да потѣшаетъ. — А тѣмъ

часомъ, глядь — прогнѣвилъ чѣмъ–то царя; царь шлетъ за нимъ, а онъ отъ него: сѣлъ, да поѣхалъ, да таковъ и былъ, ушелъ въ чужую землю, да тамъ себѣ и жилъ.

И пришло такое время, не то безвременье, что князь себѣ думаетъ: «говорилъ я, что вретъ она сухопарая горлянка, говорилъ, что вретъ окаянная цыганка: оно такъ и вышло; у меня будетъ князекъ, будетъ дѣтище любимое, ясный соколокъ. Кто бабѣ повѣритъ, трехъ дней не проживетъ, и кто съ нею свяжется, дуракомъ пойдетъ.» А князь про то, что гадала цыганка, не сказывалъ никому: никто про то и не зналъ.

Когда же пришло время, что быть на свѣтъ дѣтищу княжью, то стала княжна со своими свой бабій совѣтъ держать: «Дѣды наши», говоритъ, «такой законъ положили, такой завѣтъ постановили, что коли въ семьѣ молодая жена принесетъ мужу первенца сына, то ей отписать за это большія богатства; а буде первеницу принесетъ дочь, то нѣтъ ей, женѣ, добра родоваго ни алтына. Надо–де дѣло

изладить и приспособить, чтобъ намъ, за чужимъ не гонявшись, да хоть своего не упустить; а вѣдь что Богъ дастъ, сына ли дочь ли — не узнаешь.»

Вотъ и стали искать, тайныхъ гонцовъ разсылать, и нашли, припасли, младенца, новорожденнаго сына: отецъ его холопъ, мать его холопка — да нужды нѣтъ; въ княжью положатъ зыбку, да полою княжьяго кафтана накроютъ — такъ чѣмъ онъ не князь? Прописи на лбу и въ тѣ поры, какъ нынѣ, не клали; кто что лишнее знаетъ, тому глотку и ротъ заткнутъ золотомъ — онъ и молчитъ. Кому тогда до чего нужда?

И насталъ часъ радостный и смутный; далъ Богъ дѣтище княгинѣ, далъ и князю, и далъ не дочь, а сына; да князь молодой народился уродомъ: у людей по пяти пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, а у него гдѣ пять тамъ пять, а на одной рукѣ шесть. И снова глянули, и снова сосчитали — нѣтъ, шесть да шесть, съ костей не скинешь; онъ бы и не великъ, поменьше мизинца, да тутъ ему не мѣсто: про князей шестипалыхъ о–

ту–пору нигдѣ еще не было слышно; стало быть онъ–де въ князи не годится.

Стали судить да рядить, да свой бабій совѣтъ вдвоемъ ли, втроемъ ли держать — ну неравно–де князю шестипалое дѣтище не будетъ въ угоду? Ну неравно еще онъ не признаетъ, скажетъ такихъ у меня и въ роднѣ не бывало? Взяли да отдали шестипалаго княженка холопкѣ, вотъ–де тебѣ на обмѣнъ твоего, а вотъ и червонцевъ кошель на придачу; подай своего, онъ будетъ княземъ, и въ золотѣ станетъ ходить и серебро станетъ носить и ѣсть будетъ слаще и спать мягче.

Затѣмъ, стали рости и тотъ и другой, и князь подкидной и князь коренной. Отецъ ни про что не зналъ и не вѣдалъ; тутъ въ землѣ его скоро другой воцарился царь; этотъ сталъ милостивъ къ опальному князю, позвалъ его ко двору, да надѣлъ на него всѣ милости свои сколько у него ихъ было. Князю въ первое время было не до своихъ, забылъ было и княжну и княженка; а когда спросилъ про нихъ, да велѣлъ было

пріѣхать къ себѣ, такъ самъ слегъ, да Богу душу и отдалъ.

Княжна, на чужой землѣ живучи, соскучилась; стала ее и совѣсть мучить — да дѣла ужъ нечѣмъ было поправить. Матери ее да бабки, что подмѣнили ребенка, давно уже не было на свѣтѣ; сама она не знала гдѣ его искать — такъ она своего–то сгубила, а чужой опостылъ — взяла и его, и этого, да черезъ третьи руки, чтобы не знали чей и отъ кого, переслала куда–то въ иное мѣсто, добра ему что захотѣла отписала, а сама и уѣхала, да и умерла, какъ по душу Господь послалъ, одинока: былъ и мужъ, было два сына, одинъ–таки свой, другой что въ обмѣнъ взяла, а теперь не стало ни того, ни другаго, ни третьяго.

Вотъ кабы живъ былъ старый князь, да послышалъ бы что и какъ было, такъ вспомнилъ бы цыганку: онъ сына въ глаза не видалъ.

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынѣ сказка пошла гулливая; люди сложили, такъ съ чего

нибудь да взяли, а мы вѣры неймемъ, за тѣмъ что сами не видали.

«Чтожъ это, вся?» спросили тѣ, которые еще не заснули. — Да, вся, — отвѣчалъ Савка, — гдѣ больше взять, только и есть! — «Да чтожъ это за сказка, тутъ и толку не добьешься? началъ опять какой–то, «ты скажи порядкомъ: чтожъ послѣ было?» — Да я–жъ вамъ говорю, сударь, — отвѣчалъ опять Савка, стоя уже у дверей, — что только ея и есть; больше ничего и не было; обождемъ, коли приложатъ еще что къ ней, стану говорить и дальше. Теперь только: князь служитъ въ низкомъ званіи, а подкидышъ занялъ его княжеское мѣсто. Ни тотъ, ни другой отца ни матери не знаютъ — и только.

Савкинъ ужинъ давно былъ готовъ; иначе Степанида Ѳоминишна не пустила бъ его и въ сказочники, хотя она, правда, такъ была счастлива, когда увидѣла, что князь съ княгиней сидятъ рядкомъ, призадумавшись, такъ счастлива, что готова была разрѣшить и позволить все, лишь бы

продлить это желанное сочетаніе обстоятельствъ.

Когда Савка кончилъ сказку, всѣ встали потягиваясь и пошли въ залу, къ ужину. Ужинъ былъ гораздо молчаливѣе обѣда; всѣ устали, всѣмъ хотѣлось спать, всѣ притихли.

Василько вышелъ прямо въ садъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, одна изъ тѣхъ ночей когда не хочется запираться въ четырехъ стѣнахъ. Савкина безтолковая сказка тронула при томъ какую–то потайную струну души Василька: онъ не зналъ почему это, сталъ доискиваться и наконецъ подумалъ, что просто Русь матерая, родной духъ и складъ Савкиныхъ словъ, пробуравилъ ему по сердцу — и продолжалъ думать и мечтать объ этомъ дальше и дальше. Онъ прохаживался медленно по средней, расчищенной дорожкѣ; липы и ясени дремали сводомъ надъ его головой, только неугомонный листъ осины изрѣдка трепеталъ и шелестѣлъ отъ едва замѣтной воздушной струйки; огни въ барскомъ домѣ, одинъ за

однимъ, потухали, все успокоилось, по временамъ только слышенъ былъ глухой топотъ коней на конюшнѣ, лай цѣпныхъ собакъ, да чередной окликъ деревенскихъ пѣтуховъ. Сторожъ проколотилъ уже въ другой разъ клепаломъ въ чугунную доску, осколокъ старой кухонной плиты, и сталъ напѣвать про себя чистымъ голосомъ: «Всякое житейское нынѣ отложимъ попеченіе.» Василько легъ, помолившись, подъ дерево, закинувъ руку подъ голову — съ полчаса еще въ головѣ его бродили Богъ вѣсть какія затѣи, желанія и надежды; съ полчаса еще онъ слышалъ, среди всеобщей тишины, какъ стучало сердце его, и сталъ прислушиваться къ этому маятнику и думать, долго ли ему суждено ходить и такъ ли онъ будетъ стучать черезъ годъ со днемъ, какъ сегодня, избыткомъ силъ, полнотою жизни — ему показалось еще, будто онъ слышитъ какой–то отдаленный жалобный голосъ, но онъ уже не зналъ, во снѣ ли онъ слышитъ это или на яву, и вскорѣ уснулъ.

Проспавъ часа четыре въ одинъ духъ, крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, Василько проснулся и наспалъ въ эти четыре часа болѣе, чѣмъ иной тунеядецъ въ круглые сутки. Воробушки уже чирикали галиматью свою, сидя въ густыхъ вишняхъ, и встрѣчали несущагося мимо ихъ воробьятника, возвысивъ голосъ, дружнымъ и общимъ щебетаньемъ, изъ всѣхъ силъ. Кошка прокрадывалась въ тихомолку къ сосѣднему сараю, не обращая ни какого вниманія на сторожевое *чивъ*, *чивъ*, стараго воробья, который провожалъ ее, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево. Гуси громкимъ крикомъ настойчиво требовали свободнаго пропуска къ рѣкѣ; а съ сосѣдняго мужичьяго току раздавались сильные удары цѣпа, все по три да по три. Василько всталъ, потянулся, стиснувъ кулаки, весело взглянулъ на Божій міръ, и пошелъ освѣжиться на рѣку.

Раздѣвшись, кинулся онъ въ воду, нырнулъ глубоко и далеко, вынырнулъ, отряхивая голову, и сталъ прислушиваться: плачевный голосъ звалъ его по имени на

помощь; въ ушахъ Василька отозвались вечерніе, отдаленные вопли. Оглядѣвшись, увидѣлъ онъ, что на обросшемъ камышемъ и осокою островкѣ стоитъ человѣкъ; Василько поплылъ туда, что было у него силъ, и — кто опишетъ удивленіе его, когда онъ узналъ въ бѣдствующемъ улинькинаго корнета: этотъ олицетворенный мадригалъ въ желто–зеленомъ фракѣ! какъ мокрая мышь стоялъ онъ въ бальномъ облаченіи своемъ передъ героемъ нашимъ, и не попадая зубомъ на зубъ, разсказывалъ, со всею откровенностію отчаяннаго любовника, ночныя похожденія свои.

Зажегши потѣшные огни, чтобы воспользоваться суматохой, онъ посадилъ обомлѣвшую Улиньку въ карету подручницы своей, Ирины Титовны, и велѣлъ гнать и въ хвостъ и въ голову. Лошади испугались ракетъ и бураковъ, понесли сперва вверхъ по берегу, а потомъ прямо въ воду. Потерявшись отъ страху, онъ выскочилъ изъ окна кареты, упалъ въ воду, не доставъ, какъ ему казалось, дна, и не умѣя плавать, началъ биться и тонуть.

Такимъ образомъ, то на водѣ, то подъ водою, то головою кверху, то ногами, онъ уже выбился изъ силъ, когда послышалъ подъ собою песокъ: корнета принесло теченіемъ на мелкое мѣсто и онъ наконецъ достигъ вбродъ островка. Тутъ просидѣлъ онъ всю ночь, и докричался до того, что сталъ уже выть по волчьи, а никто на помощь не являлся. Что сталось съ невѣстою его, онъ не зналъ; но ему показалось, будто карета съ лошадьми совсѣмъ ушла ко дну. Бѣдный акростихъ мой горько плакалъ и дрожалъ, какъ осенній листъ. Василько успокоилъ его, увѣривъ, что въ рѣчушкѣ этой нѣтъ омута, въ которомъ могла бы пропасть безъ–вѣсти цѣлая карета и четверка лошадей; самъ переплылъ опять на берегъ, отыскалъ *каюкъ*, челнокъ, переправился снова на островъ, посадилъ и перевезъ несчастнаго любовника, который теперь въ буро–зеленомъ измокшемъ фракѣ своемъ въ обтяжку, болѣе походилъ на лягушку, чѣмъ на человѣка. Одѣвшись на–скоро самъ, Василько провелъ бѣднаго чижика черезъ

калиточку въ садъ, оставилъ на время въ знакомой намъ красной бесѣдкѣ, досталъ у Евстрата бѣлья и сюртукъ, одѣлъ плѣнника своего и развѣсилъ платья его для просушки. Сколько Василько ни жалѣлъ о бѣдствіи этого бѣдняка, но ему, Васильку, безпрестанно напѣвалось: «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ? на канавкѣ воду пилъ» — и съ трудомъ только онъ удерживался отъ смѣху.

Позвольте замѣтить здѣсь еще одно маловажное и постороннее обстоятельство: прибѣжавъ къ Горемыкину за бѣльемъ и одеждой, Василько впервые познакомился короче съ платейною своего пріятеля — и какое то особенное чувство, овладѣвающее нами при неожиданной встрѣчѣ нагой нищеты, его поразило. Мы часто слышимъ о бѣдности и нуждѣ, даже слишкомъ часто, жалѣемъ о неимущихъ, но это не то; жалкая картина эта поражаетъ насъ иногда нечаянно на самомъ дѣлѣ, и врѣзывается иначе въ душу. Евстратъ вынулъ между прочимъ изъ сундучка своего *полторы* рубахи, — всѣхъ и вся; — и сожалѣлъ, что

лучшая, то есть цѣлая, была теперь, ради праздника, на немъ.

Оставивъ чижика, Василько обратился съ вопросомъ къ Горемыкину: что припасено было на сегоднишній день, какія потѣхи? Евстратъ признался, краснѣя и запинаясь, что не было приготовлено ничего. День этотъ, рожденіе Меланьи, празднуется только кстати и за одно со вчерашнимъ, съ именинами Настасьи Сергѣевны; никогда не обращали на него большаго вниманія и Степанида Ѳоминишна, казалось, не считала его слишкомъ важнымъ.

«Не попустимъ этого, Евстратъ Богдановичъ,» сказалъ Василько «за что такъ? поставимъ на ноги какую нибудь проказу, да чтобъ она была не хуже вчерашней: ладно, что ли?»

Горемыкинъ очень сладостно улыбался и потупилъ взоры; «я душою радъ,» сказалъ онъ, «но теперь время такъ коротко — успѣемъ ли мы?»

— О, стоитъ только захотѣть, — сказалъ Василько, потирая радостно руки, какъ

человѣкъ, которому далось какое нибудь чрезвычайное открытіе, — стоитъ захотѣть, такъ успѣемъ. — И обхвативъ Евстрата одной рукой, пошелъ онъ съ нимъ внизъ по саду; первымъ слѣдствіемъ этого совѣщанія было, что человѣкъ двѣнадцать мужиковъ работали въ самомъ отдаленномъ концѣ сада, лопатами и кирками. Степанида Ѳоминишна приказала дать Васильку работниковъ съ перваго слова; что, надобно признаться, было дѣломъ необыкновеннымъ, и Степанида Ѳоминишна конечно была увѣрена, что потакаетъ ему во всемъ не спроста и не спуста, а съ умысломъ и съ толкомъ. Рабочій день *панщины* сросся съ душею Степаниды Ѳоминишны и она его обыкновенно не уступала никому и ни за что. Самъ Василько, оставивъ Горемыкину наставленія, поговорилъ шопотомъ съ названною матерью своею и полетѣлъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, домой, гдѣ растормошилъ всю платейную ея и засадилъ всѣхъ дворовыхъ дѣвокъ за работу. Къ обѣду, Василько уже поспѣлъ

опять къ именинницѣ, какъ звали сегодня Мелашу, хотя это и былъ день ея рожденія.

Между тѣмъ Ирина Титовна, у которой сердце и совѣсть были както не на мѣстѣ, потому–что не было еще о–сю–пору ни слуху, ни духу о каретѣ ея, Ирина Титовна отправилась, какъ ни въ чемъ не бывала, соболѣзновать Авдотьѣ Поликарповнѣ въ нынѣшнемъ бѣдствіи ея. Къ величайшему изумленію своему, она слышитъ, что Улинька уже дома, что и карета тутъ же и — главное и самое непріятное, — что не только Улинька, но и лакей съ кучеромъ, во всемъ признались и Ирину Титовну выдали и продали. Дѣлать было нечего; Ирина Титовна рѣшилась на этотъ разъ не падать въ обморокъ, не равно–де здѣсь некому будетъ и поднять — а уставивъ руки въ боки, глаза въ потолоки, сама перекричала всѣхъ, такъ, что всполошила на заднемъ дворѣ цѣлый гусиный гуртъ, который звонкимъ гаганьемъ сталъ перекликаться съ голосистою гостьею. За тѣмъ она сѣла въ карету свою и уѣхала.

Въ этожъ время чижикъ нашъ, кой–какъ обсушившись въ бесѣдкѣ, одѣлся натощакъ опять въ свое платье и отправился тайкомъ домой. Но мужики, которые знали его подъ именемъ *зеленаго панка*, встрѣтили его, взяли и повели подъ карауломъ на панскій дворъ, потому что Авдотья Поликарповна сама заѣзжала вечеромъ въ корчму и обѣщала жиду и мужикамъ награжденіе, если кто поймаетъ зеленаго панка. Когда барышни наши пошли утромъ погулять — къ чему настроилъ ихъ Василько, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ приготовленій въ саду — то они встрѣтили несчастнаго чижика подъ конвоемъ. Всѣ, глядя на жалкое положеніе бѣдняка, на разстроенное, истощенное муками души и тѣла лице его, ужаснулись; Настасья, какъ хозяйка и особа довольно бойкая, вмѣшалась наконецъ въ дѣло и освободила настояніями своими плѣнника. Со слезами на глазахъ отправился онъ пѣшкомъ во своясы.

Маіоръ, который засиживаться не любилъ, поѣхалъ между тѣмъ съ ружьемъ

прокатиться на допотопномъ *струментѣ* своемъ и встрѣтилъ, — отгадайте кого, съ кѣмъ, гдѣ и что дѣлающихъ — какъ спрашиваютъ у насъ въ извѣстной игрѣ на записочкахъ? — Ирину Титовну, въ каретѣ, все съ тѣмъ же чижикомъ, на распутьи, безъ лакея и безъ кучера, одинъ конь въ дышлѣ и одинъ подъ выносомъ! шествіе это много походило на погребальный поѣздъ, гдѣ мыши кота хоронятъ. Когда Маіоръ разсказывалъ бывало объ этой встрѣчѣ, разсказывалъ, что заполевалъ въ этотъ день, вмѣсто драхвы, Ирину Титовну — то хохоталъ, заливаясь и утирая очи въ два кулака, и кричалъ бывало только: «гой братци мои козаки! годи уже, видпустить душу мою гришную на покаяніе, уже не буду бильше, ей Богу не буду» и самъ снова принимался хохотать, будто его русалки щекочатъ. Дѣло въ томъ, что отправившись отъ Авдотьи Поликарповны, Ирина Титовна приказала ѣхать прямо домой и во всю дорогу сулила кучеру, форейтору и запятнику своему, звонкимъ и яснымъ голосомъ такія лестныя награды, за

вечернюю не удачу и неумѣстное признанiе, что у тѣхъ голова вскружилась съ похвалъ и на душѣ помутилось. Они знали, что Ирина Титовна въ такихъ случаяхъ шутить не любитъ. Поэтому хлопецъ, наслушавшись всего вдоволь, соскочилъ съ запятокъ и пошелъ своимъ путемъ, сказавъ кучеру: «нехай вже твоя шкура видвичатыме, колы схоче, а я не дурный.» Кучеръ, не долго подумавъ, сказалъ товарищу своему, выносному: «Остапе! Грыцько утикъ утечемо–й мы!» затѣмъ они остановились, и не отвѣчая ни одного слова на отчаянный, злояростный крикъ и брань пани своей, отложили каждый по одной лошади, кучеръ коренную, а тотъ подсѣдельную, и поскакали.

Въ такомъ отчаянномъ положенiи — одна одинехонька, въ чистомъ полѣ, въ степи, съ одною коренною и одною выносною клячею, сидѣла наша Ирина Титовна, проклиная голосисто весь мiръ и всѣ къ нему принадлежности — и наконецъ, залившись слезами и заломавъ руки, стала просить у судьбы помощи. Молитва ея была

услышана: на небосклонѣ безвѣстности воздымается облако надежды — облако пыли — и если это не чертова свадьба, подумала страдалица наша, если не вихрь степной, то конечно двѣ ноги, покрайней мѣрѣ, вздымаютъ эту пыль. Ирина Титовна не успѣла еще дорисовать огненнымъ воображеніемъ своимъ неясное видѣніе, не успѣла сложить двѣ ноги, двѣ руки, дать имъ пріятное туловище, какую нибудь голову и сострадательное сердце, какъ узнала, въ приближавшемся путникѣ, къ неописуемой радости своей, бѣдствующаго собрата своего, свѣтлозеленаго — что нынѣ буро–зеленоватый — чижика.

Отощавшій акростихъ однакоже не съумѣлъ даже перепрячь лошадей; онъ извинялся тѣмъ, что въ краснокутскомъ гусарскомъ полку, въ которомъ дослужился онъ до отставнаго корнета, ѣздятъ не на упряжныхъ лошадяхъ, а на верховыхъ, и что всякая упряжка принадлежитъ къ фурштату. Поэтому корнетъ нашъ сѣлъ на выносную верхомъ, постромки волочились и рыдванъ потащился шажкомъ по дорогѣ.

Въ этомъ жалкомъ положенiи Маiоръ встрѣтилъ колесницу Ирины Титовны, словно послѣ отчаяннаго побоища. Позабавившись и нахохотавшись вволю, Маiоръ велѣлъ было кучеру своему перепрячь обѣихъ лошадей въ корень; но оказалось, что выносная въ корню не ходитъ, она стала бить. Поэтому поѣздъ двинулся опять по прежнему, шагъ за шагомъ, и чижикъ снова сѣлъ верхомъ, въ бальномъ фракѣ своемъ, и понукалъ ретиваго коня, толкая его пятками подъ бока. И смѣхъ и горе.

Между тѣмъ въ Шпиговкѣ насталъ часъ обѣда; Степанида Ѳоминишна просила къ столу, и общество поднялось и усѣлось съ меньшею принужденностiю, чѣмъ наканунѣ. Похожденiя и приключенiя послѣднихъ сутокъ сблизили, познакомили и породнили всѣхъ, другъ съ другомъ.

Настя много и красно говорила; Мелаша была очень тиха, задумчива и часто краснѣла. Безконечный рядъ савкиныхъ блюдъ, которыя шли сегодня опять подъ новыми прозванiями, кончился, а самъ онъ,

ударивъ ладонью подъ дно бутылки, замотанной въ салфетку, опять уже разливалъ эту вѣчную шипучку и просилъ мимоходомъ Дмитрія Сергѣевича прислушаться, увѣряя, что вино въ высокой рюмкѣ сверчкомъ чирикаетъ. Митя захохоталъ во все горло и объявилъ во всеуслышанье, на весь столъ, что Савка говоритъ, будто цымлянское поетъ сверчкомъ. Маіоръ всталъ, поднялъ стаканъ, напророчилъ крестной дочери своей, Мелашѣ, много добра и счастья и въ разгулѣ веселья закричалъ: «Ура! та чи нема тутечки де тезки моей? А ну, палы!» И за–словомъ въ саду отозвалась пушка, другая, третія и одинадцать сряду. Первая встревожила было барынь, но при послѣдней всѣ уже хохотали и поздравляли новорожденную; а какъ Ирины Титовны не было, то и въ обморокъ падать было некому.

Объяснимъ загадку: Василько закопалъ въ саду одинадцать картузовъ пороху, провелъ по нимъ штопинъ, и по данному знаку, одинадцать минъ были подорваны.

Мелаша очень смѣшалась, была тронута и черезъ силу могла отблагодарить молча гостей и отвѣдать савкинаго сверчка.

Тетушки и кумушки, все свахи на голо, блаженствовали: онѣ были увѣрены, что работаютъ чрезвычайно успѣшно, и надо отдать имъ справедливость, онѣ успѣли по крайней мѣрѣ возмутить младенческій покой мирной души мелашиной: она вздыхала и плакала, сама не зная о чемъ и по комъ, и не знала куда дѣваться отъ наставленій и поученій, которыми преслѣдовали ее на каждомъ шагу, требуя, чтобы она обходилась съ Василькомъ ласковѣе. Со всѣхъ сторонъ ей кричали шопотомъ въ уши, что Василько суженый ея, женихъ, со всѣхъ сторонъ учили ее, какъ съ нимъ обходиться и что говорить и какъ на него глядѣть, поздравляли ее, цѣловали — наконецъ бѣдную дѣвушку сбили вовсе съ толку; она не знала что дѣлать, кого слушаться и чему вѣрить. Это называется по русски: влюбить такую–то въ такого–то. Опытныя въ такихъ дѣлахъ бѣлошвейки, мои ковроткачки, искусныя

дѣлательницы наливокъ всѣхъ родовъ и солельщицы огурцовъ съ кануперомъ, перцемъ и дубовымъ листомъ, были увѣрены, что не менѣе того влюбили и Василька въ Мелашу.

Мало–по–малу всѣ барышни стали, если смѣю такъ выразиться, волочиться за Василькомъ. Всѣ искали общества его, и не умѣя съ другими мужчинами провести двадцати минутъ въ сносной бесѣдѣ, охотно сиживали съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и всегда шелъ у нихъ живой и занимательный для участвующихъ разговоръ. Такъ было и теперь, когда старички пошли послѣ обѣда отдохнуть; молодежь наша засѣла въ диванной, Василько былъ душою общества; бесѣда шла бѣглая, занимательная: заговорили о суевѣрьяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ; завязался споръ, между простенькими, къ коимъ принадлежала, напримѣръ, въ хорошемъ смыслѣ, и Мелаша, и между разумницами, которыми такъ сказать предводительствовала Настя. Первыя начали было разсказывать потихоньку про какія–то странныя

примѣты, между тѣмъ какъ противницы ихъ объявили все это безсмысленнымъ вздоромъ, о которомъ стыдно говорить. Онѣ конечно повторяли затверженный урокъ. Но нашлись и такія, которыя не хотѣли сами рѣшить ничего, а обратились къ Васильку съ просьбой — сказать, какъ онъ объ этомъ думаетъ.

«Трудно», сказалъ Василько, «высказать вамъ въ немногихъ словахъ все то, что объ этомъ наговорить можно, все что бы мнѣ хотѣлось; но вообще, знаете, все на свѣтѣ гораздо легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, иногда даже легче чѣмъ повѣрить; и то, о чемъ вы говорите, легче и проще поднять на смѣхъ, чѣмъ пуститься въ подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьи и суевѣрьи есть или было нѣкогда смыслу, на чемъ оно основано и какую ему нынѣ должно придать цѣну. Едва ли однакоже можно допустить, чтобы повѣрье, распространенное между милліонами и встрѣчающееся даже очень нерѣдко у

различныхъ народовъ, пережившее тысячелѣтія, было основано ни на чемъ, на одномъ только праздномъ вымыслѣ. Можетъ быть есть нѣсколько и такихъ повѣрьевъ, но ихъ вѣрно найдется немного. Я думаю такъ: — иныя повѣрья и суевѣрья представляютъ у насъ памятникъ, остатокъ язычества; другія придуманы для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать то, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Опять другія повѣрья, въ сущности своей, основаны точно на опытѣ, на замѣчаніяхъ; но, будучи примѣнены ко всякому частному случаю, обращаются въ нелѣпость. Въ иныхъ видѣнъ только духъ времени, игра воображенія, иносказательные намеки, словомъ, одна народная поэзія, принимаемая не рѣдко за наличную монету. Есть также шуточныя повѣрья, которымъ мы, повторяя и затверживая ихъ, невольно начинаемъ наконецъ вѣрить. Есть, можетъ быть, уродливыя, вздорныя повѣрья, которыя произвелъ на свѣтъ одинъ только пытливый

умъ простолюдина, доискивающійся причины важнаго и непонятнаго ему явленія. Эти же повѣрья служатъ часто извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ, въ случаяхъ, гдѣ прибѣгнуть болѣе не къ чему. Но соглашаясь на все это, я опять таки повторяю, что сказалъ въ началѣ: есть и такія повѣрья, которыя гораздо легче могутъ быть осмѣяны, чѣмъ опровергнуты, и въ особенности, чѣмъ обслѣдованы до дна и оцѣнены не по одной наружности своей. Шиллеръ сказалъ: и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокій смыслъ; а Шекспиръ: и на небѣ и на землѣ есть много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снѣ. Вотъ вамъ, барышни, исповѣдь моя», заключилъ Василько, и думалъ, что кончилъ; но одна изъ быстроглазенькихъ спросила его: «а что же вы думаете собственно о предчувствіяхъ и о привидѣніяхъ?»

Василько отвѣчалъ коротко: «объ этомъ можно наговорить цѣлый возъ, да и то еще на добрый вьюкъ останется; сущность этого безконечнаго разсужденія была бы

кажется: кто испыталъ предчувствіе на себѣ, кому покойники являются — тотъ вѣрь, потому–что противъ убѣжденія спорить мудрено; а по наслышкамъ и однимъ празднымъ разсказамъ, кажется, вѣрнѣе не вѣрить». Но ободренная потворствомъ этимъ пригоженькая и бойкая чернушка, растолковала, или поняла слова эти по своему, и принялась тотчасъ же за примѣры: «Вотъ позвольте», начала она, «одна старушка, мать кормилицы двоюродной сестры бывшей сосѣдки нашей, Камиллы Киргизовны — старушка эта, живучи у Бабарыки Штандартовны въ банѣ, стала слышать каждый вечеръ, ровно въ девять часовъ...»

Василько, взглянувъ на часы свои, всталъ потихоньку и вышелъ, оставивъ молодежь бесѣдовать въ сумеркахъ о привидѣніяхъ и посѣтителяхъ съ того свѣту — а самъ пошелъ взглянуть на свои затѣи.

Уже вовсе смерклось, когда барышни наши все еще сидѣли, съ самаго обѣда, столпившись въ кружокъ, и до того

напугали сами себя и другъ дружку разсказами о видѣніяхъ у Бабарыки Штандартовны въ банѣ, о явленіи живыхъ и мертвыхъ, что сидѣли въ потьмахъ, не смѣя дохнуть и не понимали, зачѣмъ о–сю–пору не подаютъ свѣчей, между тѣмъ какъ это было распоряженіе хозяйки, въ угоду и по просьбѣ Василька. Сергѣй Сергѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, свертывая платокъ свой въ комочекъ и утираясь имъ то справа на лѣво, то слѣва на право; онъ не былъ посвященъ въ тайну нынѣшняго вечера, о которой, впрочемъ, и сама Степанида Ѳоминишна ничего не знала, кромѣ желанія Василька, чтобы до сюрприза не подавать свѣчей. Сергѣй Сергѣевичъ, замѣтивъ, что уже смерклось, осмѣлился было спросить едва слышнымъ голосомъ: «что долго не подаютъ свѣчей?» но получилъ за это отъ супруги своей выговоръ и затихъ. Маменьки и тетушки разсѣлись по растворенным въ садъ окнамъ, на широкомъ крыльцѣ и въ дверяхъ, разсказывали всѣ вполголоса, какъ заведенные часы, и ни одна не

слушала; по комнатамъ носился только глухой гулъ, какъ отъ цѣлаго роя шмелей, залетѣвшихъ въ покои.

Вдругъ раздается гдѣ–то въ отдаленіи звукъ — звонъ — голосъ — позывъ изъ какого–то чуждаго міра; чистый, ясный, не слыханный доселѣ, и замеръ снова среди ночной тиши. И вмѣстѣ съ этимъ таинственнымъ отголоскомъ у всѣхъ замерло сердце. Ни одна складочка въ платьецахъ барышень не шевелилась: всѣ дѣвицы насторожили ушки. Отдаленный свѣтъ разлился въ саду; голосъ поднялся снова изъ едва слышимаго вздоха и до сильнаго, полнаго, могучаго звука и казалось начиналъ призывно аукать: тогда никто не усидѣлъ на мѣстѣ; маменьки и тетушки стояли уже на крыльцѣ и вызывали молодежь, а молодежь уже толпилась за ними вслѣдъ; старый и малый пустились по дорожкѣ въ садъ, иныя дѣвицы толпились въ кучку, держались другъ за дружку, поговаривая: «охъ, Боже мой, что это было?» другія напротивъ шли медленно, задумчиво, безмолвно и поднявъ голову.

Невысокія перильца поперегъ дорожки остановили общество: передъ нимъ лежала единственная въ своемъ родѣ картина.

Это было въ теплый, темный и тихій осенній вечеръ; все пространство впереди зрителей было ярко освѣщено, а между тѣмъ глазъ не встрѣчалъ ни одного пламени, ни одного огонёчка. Таинственный свѣтъ, который всѣхъ привелъ въ недоумѣніе, озарялъ, казалось, всѣ предметы снизу; зелень деревьевъ была ярка и свѣжа, какъ не бываетъ она и днемъ; зеленый свѣтъ и зеленая тѣнь словно выливались изъ земли, изъ самихъ предметовъ — не было ни огня, ни солнца — перемѣшались въ причудливыхъ переливахъ и разостлались прозрачнымъ туманомъ, на которомъ лежалъ, сверху, непроницаемый мракъ, рѣдѣющій только тамъ, гдѣ уже сверкали звѣздочки. Глазъ невольно воображалъ, что видитъ не природу, а картину; и обману этому, кромѣ непонятнаго свѣта, способствовали еще прихотливо и живописно расположенные предметы: на небольшомъ пролѣскѣ, между

деревьями, паслось и отдыхало нѣсколько коровъ, козъ и овецъ, а тирольскій пастухъ стригъ овцу. Все это, особенно по странному освѣщенію, очень походило на театральную сцену и декораціи, но во всемъ была необыкновенная жизнь, потому что все было живое. Глазъ зрителей былъ пораженъ и изумленъ, ухо ловило еще едва отлетѣвшіе, неземные звуки, когда отдаленный, едва слышимый отголосокъ сталъ ихъ повторять; ближе и ближе, громче и громче, — и вотъ на холмѣ явился другой пастухъ, въ тирольскомъ же платьѣ, во всемъ уборѣ, съ саженнымъ рожкомъ своимъ, коего широкій раструбъ загнутъ къ верху — выступивъ смѣло и бодро. Тиролецъ ударилъ въ рожокъ, и полные могущественные звуки тирольскаго пастушьяго хоровода огласили окрестность. Когда одинокій, протяжный и заунывный голосъ начиналъ умирать, какъ послѣдній вздохъ безнадежныхъ желаній, тогда вдругъ слѣдовалъ отрывистый и нежданный переходъ почти въ плясовую, гдѣ смѣнялись только два или три звука,

которые яркою противоположностію своею и необыкновенною простотою невольно вызывали на уста улыбку. Но утѣшеніе это кратковременно: безотчетная тоска уже снова накликается на взволнованную душу — и опять уже смѣняется вздохомъ, если не слезой, а тамъ опять сладостной улыбкой!

Кончилось тѣмъ, что успѣхъ этой шутки превзошелъ не только ожиданія Василька, но даже всякое его желаніе. Все общество, въ особенности же барышни наши, были поражены и раздражены неожиданнымъ явленіемъ этимъ, упоены волшебными звуками, и если еще вспомнить предварительно напряженное, впродолженіе вечерней бесѣды, воображеніе, то покажется не удивительнымъ, что всѣми овладѣла какая–то грусть и тоска; всѣ молчали, возвратившись въ покои, гдѣ все еще царствовали нѣсколько времени потемки; иныя даже втихомолку отирали безотвѣтныя и безотчетныя слезинки, прятались по угламъ, повѣсивъ головки — словомъ, по всему видно было, что за

исключенiемъ немногихъ, которыя краснорѣчиво и громогласно изъявляли удовольствiе свое, всѣ тронуты были за живое.

Устройство всего этого было очень просто: свѣтъ падалъ снизу вверхъ, отъ искусно и съ умѣньемъ разставленныхъ въ ямкахъ и поперечныхъ канавкахъ плошекъ, которыхъ со стороны вовсе не было видно; самъ же Василько вставилъ кларнетъ свой, которымъ владѣлъ мастерски, въ поддѣльный изъ клееной бумаги рожокъ.

Старики и старухи стали уже спрашивать куда дѣвался Василько, отчего его долго нѣтъ? Маiоръ кричалъ, что онъ его, каналью, расцѣлуетъ; Степанида Ѳоминишна разсыпалась въ похвалахъ; даже самъ Сергѣй Сергѣевичъ, сгребая табакъ въ табакеркѣ своей горкой на средину, чтобы потомъ понюхать съ чувствомъ, увѣрялъ незабiячнымъ голосомъ своимъ, что это было прекрасно и очень, очень хорошо; Евстратъ сидѣлъ одинокъ въ далекомъ и темномъ углу залы: Настя съ жаромъ расписывала во всѣхъ

подробностяхъ то, что другіе видѣли и слышали вѣроятно не хуже ея; Мелаша осталась въ саду, на крыльцѣ, ей какъ–то хотѣлось быть одной; барышни, какъ будто ждали Василька и боялись его; при каждомъ скрыпѣ дверей онѣ оглядывались — но Василько не являлся, и сверхъ того не досчитывались еще нѣсколькихъ кавалеровъ.

Степанида Ѳоминишна, желая занять и разсѣять молодежь, предлагала уже и лото, и фанты, и жмурки — но все это не клеилось; не было еще и девяти часовъ, а барышни уже поговаривали, что устали и что хотятъ спать.

Въ такомъ нескладномъ положеніи были дѣла, когда Савка вошелъ и доложилъ, что какой–то италіянецъ, проѣзжая съ разными звѣрями, которыхъ возитъ на показъ, остановился на селѣ для ночлега, и узнавъ, что у господъ пируютъ, прислалъ спросить, не угодно ли посмотрѣть звѣрей его? они–де ручные; ихъ можно привести въ покои. Предложеніе было сдѣлано очень кстати: сама даже Степанида Ѳоминишна была

сегодня очень въ духѣ посорить деньгами, блеснуть, показать, что ничего не жалѣютъ. Савку прогнали съ приказанiемъ звать италiянца.

И вотъ онъ входитъ, избоченясь, похлопывая арапникомъ, раскланиваясь на всѣ четыре стороны — и занесъ такую дичь, что самъ маiоръ разинулъ было ротъ и раставилъ пальцы. Рекомендуясь на семи языкахъ или лучше сказать семь разъ сряду, на языкѣ, составленномъ изъ разнородной смѣси семи языковъ и нарѣчiй, италiянецъ самъ себя ласкалъ вниманiемъ благороднаго общества, возлагая всю надежду свою на хорошую репутацiю почтеннѣйшей публики и увѣряя, что уже имѣлъ *шесть* показываться предъ лицемъ всѣхъ на свѣтѣ монарховъ, *столицъ* и *дворцовъ* и высокихъ особъ. Затѣмъ вошло, гуськомъ, цѣлое сонмище страннообразныхъ уродовъ, которые представляли, въ самомъ забавномъ видѣ, разныхъ птицъ и звѣрей, и даже лягушку и нетопыря или полетушу. Какъ только общество опомнилось отъ перваго

изумленія своего, то общій веселый хохотъ огласилъ всю комнату. Разумѣется, что это сдѣлалось въ ту минуту, когда узнали въ знаменитомъ италіянцѣ Василька. Въ строусѣ, казуарѣ, полетушѣ и другихъ уродахъ сидѣли разные помѣщичьи дѣтки; Митя былъ одѣтъ арапомъ, а Гриша, Филя и Саша обезьянами.

Василько мололъ безъ умолку, какъ заведенные часы, выразительно изломаннымъ языкомъ и однообразнымъ напѣвомъ; не понижая и неповышая голоса, просилъ онъ почтенную публику обратить вниманіе на строуса съ рѣки Ореноко, на Мадагаскарѣ; на арапа изъ Константинополя, при рѣкѣ Басфорѣ; на казуара изъ Малакки, на *большой американскій материкъ;* на обезьяну, которая глупа, потому что молода, а какъ состарѣется, будетъ *такой разумный какъ мы;* а отечество ее *изъ* околицы Патафіи *изъ* экваторъ, въ самой Африкѣ; увѣрялъ, что одинъ изъ уродовъ этихъ ничего не кушаетъ, кромѣ того, что у него есть, и больше ничего; что другой ходитъ на

своихъ двухъ ногахъ и держитъ свой корпусъ прямо и смотритъ на обѣ стороны; а третій бѣгаетъ до того прытко, что стоя на одномъ мѣстѣ, обгоняетъ добрую лошадь; предувѣдомлялъ, что строусъ не умѣетъ летать, и прибавлялъ съ важностію: онъ теперь *будетъ показать* какъ онъ не умѣетъ летать — «покажи какъ ты не умѣешь летать — вотъ онъ теперь показываетъ, какъ онъ не умѣетъ летать»; и проч.

Надобно воздать каждому должное: Гриша, Саша и Филя корчили обезьянъ превосходно, покрайней мѣрѣ дрались и дразнились мастерски. Видно было по всему, что они изучили роль свою съ любовью и призваніемъ. Митя также отличался; Савка вымазалъ ему рожу сажей и Василько выводилъ арапа своего на показъ, похлопывая бичемъ, на равнѣ съ *лягушникомъ*, какъ называлъ онъ лягушку, и съ обезьяной изъ околицы Патафіи.

Никто не могъ и не хотѣлъ воздержаться отъ радушнаго, обильнаго смѣху; хохотъ оглашалъ весь барскій домъ

и самъ даже Сергѣй Сергѣевичъ заливался втихомолку, трясся всѣмъ тѣломъ и утирался въ обѣ щеки клубочкомъ изъ своего клѣтчатаго платка. Всѣ опять наладились и настроились, единодушное веселье овладѣло обществомъ и барышни словно переродились. Душею общества и веселья былъ конечно Василько; онъ, такъ сказать, уже во весь день владѣлъ и управлялъ тайными чувствами и помышленіями дѣвицъ, и не понимала его, не отзывалась ему развѣ та только или тѣ, которыхъ мачиха–природа обошла, обнесла и обдѣлила вовсе. Для довершенія праздника, Василько выкопалъ изъ мастерской своей недавно излаженый имъ ручной органъ, съ новымъ валикомъ, на которомъ набилъ мѣдными скобочками самые модные экосезы, кадрили и контръ–танцы тогдашняго времени — знаменитаго Данилы Купера и другихъ; была тутъ и манимаска и матрадуръ — и Митя вертѣлъ до поздней ночи пальмовую ручку органа, не мало гордился тѣмъ, что также умѣетъ играть на музыкѣ и никому не давалъ

приступиться, если надобно было переставить валикъ, для перемѣны танца, а кричалъ задорно: «я самъ умѣю» или: «вы испортите», и снова принимался вертѣть. Надобно полагать, что Митя хорошо исправлялъ должность свою: покрайней мѣрѣ всѣ были довольны и очень счастливы; одна только Настя была какъ будто немножко не въ духѣ — и почти можно бы подозрѣвать, будто ей не совсѣмъ нравилось, что нынѣшній праздникъ удался едвали не лучше вчерашняго. Какъ бы то ни было, а въ цѣломъ уѣздѣ стали поговаривать о великолѣпномъ праздникѣ въ Шпиговкѣ. Маменьки и тетушки стали освѣдомляться, бесѣдуя за кофейнымъ столикомъ и за вареньемъ, объ этомъ загадочномъ Василькѣ, одергивали на дочкахъ и племянницахъ косынки и пелеринки и совѣтовали барышнямъ держаться попрямѣе.

Шумный и веселый вечеръ этотъ кончился часу въ пятомъ утра и рожденіе Мелаши было отпраздновано великолѣпно.

Смазанные и немазанные рыдваны, колымаги и линейки, блаженныя памяти, всѣхъ величинъ и покроевъ, со стукомъ, брякомъ и скрыпомъ покатили на слѣдующее утро съ панскаго двора Шпиговки во всѣ четыре стороны: и Маіоръ сѣлъ верхомъ на знаменитый струментъ свой и съ громкимъ хохотомъ и шумными перекорами закричалъ: «гайда, чубарый, до дому!» и три колеса покатились таки такъ–и–сякъ, а четвертое покрякивало да постукивало по одному разу на каждомъ оборотѣ: этому была виновата претолстая и пренеуклюжая рвань, которая, какъ Степанъ Власовичъ увѣрялъ, переслужитъ еще семь новыхъ ободьевъ. Барскій домъ опустѣлъ.

Куда же намъ теперь дѣваться, къ кому присѣсть въ рыдванъ или струментъ, чтобы дать Степанидѣ Ѳоминишнѣ время отдохнуть, пересчитать ложки и плошки, посуду и салфетки, рюмки и стаканы, ножи и вилки, уложить и уставить опять все это въ чуланъ, въ кладовую и въ огромный стекольчатый шкафъ съ откосомъ? Сергѣй

Сергѣевичъ, правда, поблагодарилъ бы насъ въ душѣ своей, но не вслухъ, этого онъ не смѣетъ — еслибы мы остались и заняли его еще до вечера, покуда вся тревога и суматоха эта кончится и Степанида Ѳоминишна порѣшитъ, хотя отчасти, всѣ розыски и слѣдствія о битыхъ тарелкахъ и графинныхъ пробкахъ — но какъ все это для насъ уже вовсе не занимательно, а Сергѣю Сергѣевичу надобно же привыкать понемногу къ домашнему своему житью-бытью, то мы и подсядемъ въ ранжевую карету, гдѣ рядкомъ усѣлась чета Бублинскихъ, между тѣмъ какъ Василько пропалъ изъ Шпиговки безъ вѣсти уже съ расвѣтомъ, когда другіе только-что укладывались и засыпали. Онъ отправился домой пѣшкомъ, шепнувъ названной матери своей на ухо, чтобъ его не искали.

«Ну», сказалъ Бублинскій женѣ своей, по польски, «эдакого праздника мы давно не видали: славно, право хорошо, *пшесличне*».

— Всѣ грѣхи нашъ проказникъ покрылъ, — отвѣчала пани Бублинская, —

не придумай онъ всего этого, было бы скучно и постыло. *Нима цо мувиць*, было весело, да не отъ хозяевъ. Нѣмая травянка эта, Бабачокъ, да глупая хвастливая пава и злая змѣя Бабачиха — чему тутъ быть путному и какой толкъ? не будь у нихъ еще Савки, этого на все и про все, такъ тутъ бы вся нищета выказалась наружу. *Але послухай коханку* — продолжала она, — ну что, если Василько и вправду влюбится въ Мелашу — вѣдь они его втянутъ, малый оглянуться не успѣетъ — что–то всѣ объ этомъ толкуютъ, видно что нибудь да есть тутъ.

«Негодилось бы», сказалъ подумавъ Бублинскій, «надо какъ нибудь его отговорить. Негодилось бы по многимъ причинамъ — а главное — я тебѣ, коханко, откроюсь; Василько выросъ, возмужалъ — онъ конечно еще послушный ребенокъ, но вѣкъ нельзя же его держать такимъ образомъ, надобно подумать о развязкѣ. Для матери онъ затерялся совсѣмъ, она его не найдетъ, если бы и вздумала искать — здѣсь есть одинъ только человѣкъ для насъ

страшный и это — старый рубака — прескучный и пренесносный крикунъ. Онъ не все знаетъ, но знаетъ, кажется, что при *немъ* были деньжонки, и какъ тебѣ и самой чай приходилось слушать, охотно объ этомъ намекаетъ и всегда кричитъ по мужицки, во все горло. Я думаю такъ: отпиши ты въ Каменецъ сестрѣ своей, вели поискать какую нибудь бѣдную, пригожую шляхтянку, возмемъ ее къ себѣ въ домъ — Василько мягокъ; я думаю, онъ не устоитъ, подастся — тогда скажемъ ему, что не противимся счастію его, уговоримъ обезпечить будущность жены его, отписать ей то, другое — тогда все это будетъ домашнимъ дѣломъ, никому не будемъ обязаны отчетомъ и можемъ также ожидать и требовать благодарности панны...»

— Знаешь что — подхватила пани Бублинская, словно ей какая находка далась, — я при случаѣ разскажу ему какую нибудь басенку о похожденіяхъ Мелаши, со всѣми подробностями, и околичностями, какъ будто ничего не знаю, а такъ, къ слову подведу: скажу, что объ

этомъ похожденіи знаютъ и всѣ сосѣдки, да только молчатъ, чтобы не пятнать дѣвки; она опротивѣетъ ему и онъ откинется, вотъ увидишь.

«Ну» отвѣчалъ панъ Бублинскій, наморщивъ немного высокій лобъ свой, «не торопись, моя *коханка*, оставь это про запасъ. Посмотримъ еще что будетъ, можетъ статься все это одинъ вздоръ. Это средство надобно пустить въ ходъ только въ крайнемъ случаѣ. Василько, того гляди, проврется горлану маіору — а тотъ — ты знаешь — тогда тебѣ житья не будетъ.»

Бесѣда эта кончилась проклятіемъ пани Бублинской на правдиваго запорожца, Степана Власовича, тяжелыми вздохами и даже слезами, горькими жалобами: «чего ему отъ насъ надо, чего онъ привязывается, чего ему хочется, какое ему до чего дѣло? Есть же такіе люди на свѣтѣ, которые всѣмъ желаютъ зла, во все мѣшаются и никому не даютъ покою!»

Василько встрѣтилъ названныхъ родителей своихъ на крыльцѣ, поздоровался съ ними, они поцѣловали его

оба очень нѣжно, похваливали его, шутили: «экой проказникъ! да какъ проворно все уладилъ! и всѣхъ барышень съ ума свелъ! А небось дома не затѣялъ этого», прибавила шутя пани Бублинская, «а тамъ, гдѣ много барышень»!

Упрекъ этотъ сдѣланъ былъ шутя и также принятъ Василькомъ, у котораго совѣсть была чиста и спокойна. Василько былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые любезничаютъ въ гостяхъ, на счетъ домашней своей любезности, и вымѣщаютъ на домовинахъ своихъ, несносною брюзгливостію, каждое веселое и острое слово, каждую улыбку, коими дарятъ людей внѣ дома. Отъ этихъ–то двуличныхъ янусовъ и взялась золотая поговорка наша: не съѣвши съ человѣкомъ пуда соли, его не узнаешь. Василько былъ дома веселъ и доволенъ, иногда почти можно сказать счастливъ; тутъ у него было подъ руками все, и книги, и свои записки, и мастерская, и кларнетъ, и ружье — тутъ любили его и угождали ему всѣ, начиная съ названныхъ родителей и до послѣдняго псаря и

конюха — покрайней мѣрѣ у Василька не было еще доселѣ никакого повода въ этомъ сомнѣваться; и еслибы мы заглянули въ душу его, то увидѣли бы, напримѣръ, что онъ ушелъ сегодня съ зарею отъ Бабачковъ собственно для того, что его тянуло неодолимо домой; шумная гульба ему надоѣла. Можетъ быть, была тутъ небольшая частичка и чего нибудь другаго; можетъ быть Васильку хотѣлось, послѣ вчерашняго дня, также неожиданно исчезнуть, какъ онъ явился, съ рожкомъ и со звѣринцемъ; но смѣю увѣрить, что это побужденіе во всякомъ случаѣ было только второстепенное. И потому, если бы упрекъ Бублинской принять въ смыслѣ не шуточномъ, то онъ былъ бы несправедливъ, но не менѣе того говорилъ бы правду. Василько точно не проводилъ дома день за день такъ, какъ нынѣ почти двои сутки у Бабачковъ; онъ не приготовлялъ дома, гдѣ былъ одинъ съ бездѣтными мачихой и вотчимомъ — станемъ ихъ называть такъ — не излаживалъ на каждый Божій день цвѣтныхъ и потѣшныхъ огней, живыхъ

картинъ и окрутниковъ; онъ даже былъ дома, если хотите, нѣсколько молчаливѣе, нежели въ веселомъ обществѣ, менѣе любезенъ, обязателенъ, чѣмъ съ дѣвицами — но развѣ можно за это упрекнуть человѣка? развѣ можно требовать, чтобы онъ былъ въ этомъ смыслѣ одинаковъ дома и въ гостяхъ, при людяхъ и безъ людей?

И тутъ, какъ вездѣ и всюду, должное, истинное лежитъ въ срединѣ: но грани его сливаются съ крайностями и не всякому удается держаться вѣкъ свой въ равновѣсіи, на золотой срединѣ этой, какъ искусному акробату на слабо натянутомъ канатѣ своемъ; это тѣмъ труднѣе, что тутъ уже надо быть мастеромъ своего дѣла, ходить и стоять — и плясать подъ часъ, безъ перевѣснаго шеста балаганныхъ фигляровъ, ходить вольно, твердо, свободно, самоувѣренно, не замѣчая по видимому бездны подъ ногами, ходить какъ по гладкому полу. Крайности эти, я думаю, очевидны: одинъ бываетъ дома тѣмъ скучнѣе и несноснѣе, чѣмъ милѣе и

любезнѣе былъ онъ наканунѣ въ гостяхъ; другой дичится напротивъ въ людяхъ, скучаетъ, глядитъ бирюкомъ, боится чужаго человѣка какъ ребенокъ бука; третій разсыпается въ обществѣ мелкимъ бѣсомъ, ни въ ладъ ни въ мѣру, многимъ надоѣдаетъ, себя унижаетъ и въ глазахъ всѣхъ слыветъ шутомъ; четвертый, наконецъ, на каждомъ шагу боится промолвиться и оступиться, хочетъ избѣжать помянутаго недостатка и за то не понимаетъ никакой шутки, обижается всѣмъ, бываетъ тяжелъ и несносенъ.

Но возвратимся къ упреку, сдѣланному Васильку: люди, всѣ безъ изъятія, тѣ же дѣти: ихъ забавляетъ только новая игрушка, а старая скоро надоѣдаетъ. Кларнетъ Василька могъ произвести необыкновенное дѣйствіе это тамъ, гдѣ его не ожидали и почти не знали; дома слушали его иногда, это правда, но къ нему привыкли уже съ тѣхъ поръ, какъ бывало упрашивали еще десятилѣтняго ребенка: «сдѣлай милость, Василько, перестань

дудить, въ ушахъ звенитъ и голову разломило!»

Сверхъ того, развѣ вы думаете, что такую шутку, какъ сыгралъ Василько, можно родить къ услугамъ вашимъ всегда и во всякое время, когда вамъ будетъ угодно, не спрашиваясь о томъ у самого себя? право нельзя; на это также нужно вдохновеніе; умѣйте его поселить въ томъ, отъ кого ожидаете забавы, и она явится сама: просьбы же ваши, почтенныя хозяйки, просьбы ваши, потѣшить и развеселить гостей обыкновенно отымаютъ и послѣднюю къ тому охоту и способность. Тогда только, если хозяйка сама до того мила и любезна, что и самая просьба эта поселяетъ мгновенное вдохновеніе, тогда только она можетъ позволить себѣ прибѣгнуть къ этому отчаянному средству. Одно слово раждаетъ другое, за шутками смѣхи, за смѣхами потѣхи, вы развернулись и развеселились, сами не зная какъ и отъ чего; время пролетѣло, вамъ было весело, пріятно, и вы же, говорятъ, утѣшили и порадовали другихъ — вотъ какъ это

дѣлается, а не по заказу! мгновенный толчекъ, какая–то духовная искра, сообщенная случайными обстоятельствами, воспламеняетъ васъ, родятся нечаянно и безъ головоломнаго размышленія и выдумка и самыя средства къ исполненію; въ васъ есть какое–то вдохновеніе, увѣренность въ успѣхѣ, которая придаетъ вамъ духъ, охоту и бодрость; но послѣ такого напряженія, вамъ необходимъ покой, отдыхъ; васъ тянетъ домой, въ уединеніе. Однѣ только противуположности поддерживаютъ силу и бодрость души нашей; однообразность утомляетъ, усыпляетъ, истощаетъ. Смотрите нѣсколько времени пристально на предметъ яркаго, алаго цвѣта: потребность успокоить глазъ и опочить на цвѣтѣ противуположномъ до того въ немъ усилится, что взглянувъ на бѣлую, безцвѣтную поверхность, вы ясно увидите передъ собою тотъ же предметъ, на которомъ утомили зрѣніе свое, но только не алаго, а зеленаго цвѣта.

И горе тому, у кого есть этотъ даръ тѣшить, веселить и забавлять добрыхъ

людей, и онъ, не спрашиваясь и не ожидая вдохновенія, закабалитъ себя въ слуги и холопы этихъ добрыхъ людей, станетъ увеселять ихъ по заказу, когда угодно! тѣ, которые неотступными просьбами своими склонили васъ попрать ногами собственное достоинство свое, кинутъ на васъ и первый камень. Не удивляйтесь этому; это въ природѣ вещей: если вы забудетесь противъ самихъ себя, и люди станутъ противъ васъ забываться; вы не уважаете себя, и люди васъ не уважаютъ.

Не удивляйтесь же и тому, что художники бываютъ большею частію причудливы, прихотливы, послѣ вдохновительныхъ восторговъ, безъ коихъ нельзя создать ничего чрезвычайнаго; душа усильно требуетъ отдыха, покоя, или новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній; художникъ не можетъ и не долженъ служить вамъ, человѣку, онъ долженъ служить генію своему; тогда творенія его будутъ даровиты, благотворны и лучезарны; подходите, упояйтесь роскошнымъ тепломъ и свѣтомъ отрадныхъ лучей, они къ

услугамъ вашимъ, когда стоятъ передъ вами, какъ отдаленное, неразгаданное еще сѣверное сіяніе; но не требуйте, чтобы небо загоралось струями молніи для васъ, и тогда именно, когда вамъ вздумается потѣшаться этимъ явленіемъ.

Теперь просимъ читателей взять на себя трудъ прочитать три или четыре письма, которыя всего лучше познакомятъ насъ какъ съ нѣкоторыми лицами, такъ и съ событіями въ извѣстномъ намъ кругу общества.

Горемыкинъ къ Васильку.

М. Г. Василій Ѳедоровичъ!

Приношу Вамъ напередъ всего искреннѣйшую благодарность мою, за снисходительную дружбу и пріязнь вашу ко мнѣ, столь для меня драгоцѣнную, и за добродушное позволеніе, докучать вамъ, когда мнѣ вздумается, письмами. Иногда, знаете, не достаетъ духу выговорить языкомъ того, что напишешь втихомолку на молчаливый листокъ, какъ будто про–себя.

Я стою здѣсь какъ–то одинъ, одиноко; живу, если спрошу себя по совѣсти, только такъ, чтобы день прошелъ — а бесѣда съ вами открыла мнѣ какой–то новый міръ, къ которому я прежде не тянулся, потому что его не зналъ. Бездѣйственный покой, насущная жизнь, тяготятъ меня; мнѣ бы хотѣлось *переучиться* и *переобразоваться* — чтобы не сказать *перерoдиться* съизнова. Какъ я слѣпо вѣровалъ во всякую печатную страничку, какъ твердо и самоувѣренно я держался бѣдною головою своею за все, что преподаватели мои возглашали, или ихъ помощники читали заикаясь по ихъ тетрадкамъ! Пишешь бывало, не успѣваешь, хватаешь на лету слова и рѣчи — сплетаешь ихъ послѣ кое–какъ, и блаженствуешь, когда добьешься смыслу; — а рукопись преподавателя, это кладъ недосягаемый, какъ звѣзды на небѣ: можно наслаждаться ихъ блескомъ, но достать рукой нельзя... Теперь, какъ–то всѣ демоны сомнѣній пробудились въ груди моей: не понимаю того, что, казалось, ясно понималъ прежде;

начинаю сомнѣваться въ томъ, за что бы прежде положилъ голову на плаху; вижу разнорѣчіе, несообразность, гдѣ прежде для меня все было шито и крыто... Отчего же, скажите, нѣтъ вещи, ни столь простой, ни столь запутанной, чтобы не было на нее сотни различныхъ объясненій, ясныхъ и отчетливыхъ, по словамъ толкователей, какъ логическое заключеніе; но противорѣчащихъ одно другому, какъ зло — добру, какъ день — ночи? Да–вотъ, кстати, почтеннѣйшій Василій Ѳедоровичъ, слово о логикѣ! я держался за нее, какъ за оплотъ вселенной, за краеугольный камень разсудка — а теперь не управляюсь уже и съ нею; она ли измѣнила мнѣ, самъ ли я съ нея повихнулся, но — не повѣрите, у меня на душѣ и въ головѣ развело такую зыбь, какая–то непріязненная буря всколыхала все, что во мнѣ есть живаго, — я не совладаю уже и самъ съ собою!

Изволите ли знать, что меня съ ума сводитъ уже другіе сутки? слѣдующій силогизмъ:

Propos. maior. Питье утоляетъ жажду. Propos. minor. Селедка въ пищѣ побуждаетъ къ питью. Conclusio: Ergo, слѣдовательно, селедка утоляетъ жажду.

Что вы тутъ прикажете дѣлать? явная безсмыслица, а между тѣмъ, какъ бы то ни было, силогизмъ! я не доберусь до завязки и меня это пилитъ и мучитъ, день и ночь.

Васъ здѣсь, какъ видно, почасту вспоминаютъ. Степанида Ѳоминишна говоритъ, что вы насъ совсѣмъ забыли. Между тѣмъ — боюсь показаться вамъ нескромнымъ, не знаю смѣть ли поздравить васъ; я знаю, что это еще тайна, что еще ничего положительно не объявлено; у насъ однакоже поговариваютъ объ этомъ довольно гласно. Намедни шла рѣчь уже о приданомъ и Степанида Ѳоминишна сама хочетъ въ свое время съѣздить за этимъ въ городъ. Вѣрьте, многоуважаемый Василій Ѳедоровичъ, что я вамъ душевно желаю всякаго добра и блага и — не сомнѣваюсь въ будущемъ вашемъ благополучіи, которое — между нами сказано — суждено не всякому.

Имѣю честь и проч.

Приписка. **Стыжусь признаться, въ какіе я попалъ дураки съ силогизмомъ своимъ; но не хочу рвать этого письма, не хочу скрывать отъ васъ недостатковъ своихъ, и если придется передъ вами краснѣть, то да будетъ это заслуженнымъ наказаніемъ моимъ, за опрометчивость и тупость мою. Я предложилъ силогизмъ свой Савкѣ: онъ, съ прибаутками и поговорками, переложилъ его только на свой языкъ и безсмыслица обнаружилась: онъ перевелъ несчастный силогизмъ мой такъ:**

Напившись, пить не хочется, а поѣвши селедки, пить хочется: стало быть, поѣвши селедки, пить не хочется...!! и прибавилъ еще къ этому, не подозрѣвая даже, что меня дурачитъ: «нѣтъ, сударь, стара штука, меня на этомъ не проведете»!

Еще приписка. **И еще разъ долженъ я передъ вами краснѣть: когда хотѣлъ сдѣлать на многоуважаемое имя ваше надпись или какъ вы намедни предложили замѣнить слово адресъ: насылку, то вспомнилъ, что къ стыду своему не знаю**

даже почтеннаго вашего прозванія. Но еще болѣе удивило меня, что Сергѣй Сергѣевичъ и сама даже Степанида Ѳоминишна, не могли меня выручить; они, какъ говорятъ, знаютъ васъ съ–измала только по имени и отчеству. И такъ, извините меня великодушно и, прошу покорно, наставьте.

Отвѣтъ Василька.

Неожиданно обрадовало меня вчера письмо ваше, почтеннѣйшій Евстратъ Богдановичъ, и напередъ всего, прошу васъ, оставимте милостивыхъ государей, всѣ поклоны, почтенія и извиненія: такъ я писать не могу.

Вижу изъ словъ вашихъ, что вихри сомнѣній мутятъ и волнуютъ въ душѣ вашей море книжныхъ познаній — (не знаю съ чего у меня вырвалось такое напыщенное восточное иносказаніе) — и что здравый разсудокъ, который ищетъ для построекъ своихъ не пловучую гнилушку, а прочныхъ, надежныхъ основаній, — въ разладицѣ и съ вихремъ этимъ и съ водяною стихіею. Какъ быть; это участь наша. Не я поселилъ въ

васъ этого демона сомнѣній; обитающій въ насъ духъ рано или поздно долженъ проснуться отъ безчувственной дремоты своей, какъ убаюканное дитя, просыпающееся въ свое время, даже и послѣ самыхъ сладкихъ колыбельныхъ пѣсенокъ мамушекъ и нянюшекъ. Вы скажете: его однакоже можно опять укачать и убаюкать — можно, покуда оно въ пеленкахъ; а потомъ приходитъ и такая пора, что баю да баю надоѣдаютъ; пѣснями да сказками не возмешь, дитя отбивается отъ рукъ. Есть дѣти, которыя вѣкъ остаются дѣтьми, есть и люди, которые довольны познаніями своими, ученостію и успѣхами наукъ: эти люди счастливы; блаженъ, кто это можетъ. Но этой науки у насъ еще нѣтъ, ея не преподаютъ нигдѣ: какъ вѣрить по неволѣ, на перекоръ убѣжденію, и какъ довольствоваться тѣмъ, что преподаютъ намъ ученые мужи.

Если открыть передъ вами душу, то скажу вамъ: я увѣренъ, что знаменитая наука или искусство мыслить, ни одного человѣка не выучила тому, чему учитъ, а

многихъ сбила съ толку. Впрочемъ, собственно вашему недоумѣнію, Евстратъ Богдановичъ, логика конечно уже не виновата; она сама по себѣ безъ сомнѣнія стоитъ на твердыхъ и незыблемыхъ началахъ; но я не вижу никакой въ томъ пользы, если мы выучимся разлагать на ружейные пріемы всякую мысль, всякое заключеніе, разсадимъ все это по клѣткамъ, столбцамъ и разрядамъ, обременяя по пустому и память и самый разсудокъ. Воля ваша, а всѣ духовныя способности наши ходятъ въ кандалахъ и въ путахъ, если заставлять ихъ дѣлать два дѣла вдругъ; зануздaнный и замундштученный разсудокъ очень часто теряетъ природную силу, бодрость и отвагу; раздробленный на части, разсаженный по этимъ столбцамъ и разрядамъ, съ таблицами для руководства въ рукахъ, онъ самъ дѣлается мелочникомъ, крохоборомъ, начинаетъ гоняться за пустою діалектикою, за школярствомъ, и наконецъ уже не умѣетъ отличить истины отъ лжи, правды отъ обмана. Ему форма дѣлается важнѣе

сущности, важнѣе самой истины. Повторяю, логика здравомыслящаго, а риторика поэта, не создавали; но многихъ сводили съ ума, вводили въ жалкій обманъ, заставляя думать, что они глубокіе мыслители и великіе поэты, потому только, что строго держатся правилъ логики и риторики. Правила логики составлены по ходу мыслей здраваго разсудка, который жилъ конечно прежде логики; а потому всякому, кому Богъ далъ здоровую голову, далъ онъ и логику. То же самое сказать можно о риторикѣ и піитикѣ.

Относительно вашего поздравленія — хотѣлъ я было, принявъ это за шутку, отвѣчать тѣмъ же; но я разсудилъ, съ помощію логики своей, что это была бы шутка неумѣстная. И такъ увѣряю васъ, что приданое готовится не для меня; ни Меланьѣ Сергѣевнѣ, ни мнѣ, предполагаемое досужими вѣстоплетами сватовство на умъ не приходило: не знаю, съ чего это взято; неужели нельзя сказать молодой и пригожей дѣвушкѣ трехъ словъ, не женившись на ней?

И такъ, даже сама Степанида Ѳоминишна не могла разрѣшить вашего недоумѣнія; Степанида Ѳоминишна не знаетъ какъ зовутъ сосѣда, который выросъ въ пятнадцати отъ нея верстахъ!! Въ самомъ дѣлѣ, это было бы неизвинительно, еслибы только у сосѣда этого *было* прозваніе; но его нѣтъ. Дома меня зовутъ Василькомъ, а въ гостяхъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, то есть по отцѣ Ѳедоровымъ.

Пушка къ Васильку.

Ты утикъ, хлопче, тай байдуже — а тутечки голосять: подай намъ, кажуть, нашого Василька, озьмы та подай! Бувало спивають:

Дидъ рудый, баба руда —

А тамъ сталы спиваты таку, що ажъ нудыть:

Ой бачыться що не плачу —
А слизоньки льються:
Одъ милого нема людей,
Одъ нелюба шлються!

А вже теперечки нема писни, нема и торбана, та кажуть що скоро не буде и дивчины: бо схне; схне, якъ квитка на стеблу, та росою изъ очей своихъ сама себе полывае, Василька серденька свого, до себе пиджидае. А Василька нема: чи винъ утопився, чи винъ забарывся — а нема.

Чи тыжъ справди *ихъ*, мій Василько? чи тожъ можно, що бъ винъ – кажу соби, кажу и людямъ — чи тожъ можно, щобъ Василько свою дивчину покинувъ? Ни, не така у него думка, не такій розумъ винъ мае. Не намовляйтежъ, люде, на мого Василька; бо що винъ робыть, то робыть якъ диды наши варенуху варыли – а вже теперечки такои й нема — уміючи–знаючи, добре гадаючи; то козакъ, правдыва душа, дай Боже и вашому батькови такого сына, якъ мій Василько!

Слухай, сердце мое: тутечки квочки мои показылыся; пріихалы до мене, скильки ихъ тамъ и, уси, кажуть: дядьку! выручи насъ: Василько погубывъ крестну доненьку твою Мелашу; винъ іи любывъ, вона его любыла; мы вже и рушныкы и хустки

попрыпасалы — а теперечки его нема, тай нема, та ще и отчимъ его казавъ десь, що сынъ про те и не дума, не гада, нехай не сподиваються: дивка свиту не бачыть, схне, пропадае; выручи, дядьку Степане Власовичу, выручи!

Отъ тоби и уся не довга, Васильку; чи воны тутъ дило кажуть, чи воны якъ тая собака, що незмогла рику вылакаты, та цилу нычь на воду брехала — лыхо ихъ зна! Ябъ самъ пріихавъ до тибе, та щось нездужаю; пышы, або ще лучше якъ прыидешь до старого самъ.

Отвѣтъ Василька.

Почтенный Степанъ Власовичъ, мой почтенный, душевно уважаемый, доблестный запорожецъ! Что я скажу вамъ, при такомъ смятеніи чувствъ моихъ, при этомъ волненіи испуганной души? *правду*, скажете вы — и она передъ вами, читайте.

Первое чувство, сказавшееся во мнѣ, по прочтеніи истинно отеческаго письма вашего, было — негодованіе; негодованіе въ высшей степени на безсовѣстныхъ сплетницъ — чтобы не назвать ихъ еще

другимъ, болѣе приличнымъ именемъ — отпусти имъ Господи грѣхи ихъ! Второе — признательность къ вамъ, за прямодушіе и довѣріе ваше, и наконецъ — душевная скорбь и соболѣзнованіе о той, которую такъ искусно умѣли подготовить, обольстить притворными увѣреніями, употребить просто слѣпымъ орудіемъ замысловъ чужихъ и заставить, противъ воли, въ непорочномъ простодушіи своемъ, принять участіе въ разыграніи этой предосудительной комедіи! Соболѣзную душевно и проклинаю виновныхъ, бездушныхъ нарушителей нашего — ея и моего — покоя!

Честно и добросовѣстно увѣряю васъ, что я никогда не давалъ повода къ такимъ догадкамъ и заключеніямъ; совѣсть моя чиста: ни словомъ, ни взоромъ, не говорилъ я ей самой — а и того менѣе кому другому — о чемъ и самъ никогда не думалъ. Вы сами свели насъ тогда, послѣ пожара, вмѣстѣ; я охотно бесѣдовалъ съ нею, это правда; но то, что я ей говорилъ, могли бы слышать и слышали, большею

частію, всѣ присутствовавшіе; я охотно разговаривалъ съ нею иногда, потому что она умненькая и пригоженькая дѣвица — но развѣ можно жениться на всѣхъ пригожихъ дѣвушкахъ, съ которыми иногда бесѣдуешь?

Я скоро замѣтилъ неприличное, нескромное и оскорбительное для всякой благонравной дѣвицы вмѣшательство нѣкоторыхъ лицъ — меня это огорчило, не за себя, а за нее, и я вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ все что могъ, чтобы избавить ее отъ подобныхъ явленій: я ни разу болѣе не былъ въ Шпиговкѣ, и вотъ конецъ всему этому! Повторяю, я на чужомъ пиру съ похмѣлья, не виноватъ ниже помышленіемъ. Но не вѣрьте, Бога ради, всему, что насказали вамъ эти наемныя плакуши о крестницѣ вашей; я совершенно убѣжденъ, что онѣ лгутъ. У нихъ есть на это, какъ на все, свои причины.

Вотъ вамъ, мой почтенный, многоуважаемый Степанъ Власовичъ, все, что могу сказать въ свое оправданіе. Обвините меня, если я виноватъ. Завтра я

къ вамъ буду, сегодня уже поздно, а я не хотѣлъ оставить васъ безъ отвѣта, да я и самъ въ немъ нуждался, душа просилась излиться передъ вами сей же часъ.

Трудно себѣ вообразить, до какой степени былъ взбѣшенъ и огорченъ нашъ Василько. Съ нимъ продѣлка такая случилась еще въ первые; гласность, которую придали ей, не безъ намѣренія, заботливыя кумушки, испугала его какъ–то; положеніе Меланьи ему казалось невыносимымъ, а пособить было не чѣмъ; поступокъ, въ которомъ его упрекали, былъ въ глазахъ его подлостію; разувѣрить всѣхъ было невозможно, а какими глазами смотрѣть послѣ этого на людей? Онъ не могъ постигнуть, какъ безстыдство и самовластіе сплетницъ могли дойти когда нибудь до такой крайности.

Мы, люди бывалые, видывали виды и почище этого, и тутъ ничему не удивляемся. Обезславить бѣдную дѣвушку, лишить ее покоя, наклепать и напутать все, что угодно и на кого угодно — это все нерѣдко дѣлается безъ всякой цѣли, только

для того, чтобы было о чемъ побесѣдовать; если же тутъ еще кроются какіе нибудь замыслы, то слова: *авось*, *небось*, и *какъ нибудь*, заступаютъ мѣсто чести, совѣсти и разсудка. О, эти записныя искательницы невѣстъ для жениховъ и жениховъ для невѣстъ, эти заботливыя хозяйки въ чужомъ хозяйствѣ, дивныя созданія: онѣ чутьемъ слышутъ, что дѣется и творится на семдесятъ семисотныхъ верстъ въ околодкѣ; и какъ только зачуютъ что, да промыслятъ вѣсточку по себѣ, то и бѣгутъ, сломя голову, какъ разбитыя почтовыя клячи съ гону, и начинаютъ, протянувъ вялыя, тучныя или сухопарыя шеи свои, гаркать и гагакать, будто Капитолій снова загорѣлся! Онѣ судятъ и рядятъ, онѣ дѣлятъ и межуютъ, казнятъ и милуютъ — онѣ знаютъ все; онѣ увѣряютъ васъ въ одинъ духъ, покуда ихъ не схватитъ удушье, что Машенька Пухова выходитъ за роднаго брата — хотя она, до времени, не выходитъ ни за кого, а роднаго брата у нея и не бывало — что сыры *пармезаны* и люди фармасоны не въ одной землѣ живутъ, а

есть тутъ разница; что Иванъ Павловичъ взялъ за женою столько–то, а отдаетъ за дочерьми столько–то, хотя Иванъ Павловичъ ни кому на свѣтѣ объ этомъ не говорилъ, и дивится только, отчего у него въ ушахъ звенитъ? Что звѣзда съ хвостомъ была прежде звѣзда съ кольцомъ, да кольцо разогнулось – наконецъ, нѣтъ свадьбы, нѣтъ сговору, нѣтъ крестинъ, нѣтъ разводу, нѣтъ похоронъ, нѣтъ помолвки безъ нихъ. Онѣ опредѣляютъ въ ареопагѣ своемъ, чему быть, чему не бывать, кому на комъ жениться и кому кого родить... сводите и разводите вы мосекъ и кошекъ своихъ, обезьянъ и попугаевъ, а не насъ!

Нѣтъ земли на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы сватовство на заказъ достигло такой степени общности и совершенства, какъ у насъ. Лишь только дѣвушка сложилась, такъ уже она и пошла слыть невѣстой: и ни на одномъ языкѣ слову этому не дано такого обширнаго значенія. За тѣмъ сами родители, тетки, бабки, кумушки, тещи, свекрови, свояченицы, золовки, все это пошло по первому дождю, по женихи, что

по грибы. Тутъ, упаси Боже, подвернуться нашему брату, беззаботному: ты не успѣлъ еще ни здравствуй, ни прощай вымолвить, а тебя уже разули, и въ карманъ тебѣ слазили, и въ зубы поглядѣли, и опять обули и всего въ двухъ пальчикахъ, что батистовый платочекъ, перещупали. Глядишь — иной вислоухій не думалъ, не гадалъ, а ужъ ему давнымъ давно въ одно ухо влѣзли, въ другое вылѣзли, самого въ клубочекъ свертѣли, да въ ридикульчикѣ и понесли домой: и поминай какъ звали. Что послѣ будетъ – до этого намъ нѣтъ нужды; послѣ онѣ же сами прикатятъ первыя мирить да разводить, объ этомъ не заботьтесь; и онѣ же вамъ растолкуютъ послѣ, отчего и почему это такъ случилось и иначе быть не могло.

А почему же и не такъ? Многіе женятся такимъ образомъ и плодятся и множатся. Напримѣръ, я вздумалъ жениться, такъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ захотѣлось. Вы ошибаетесь, если думаете, что у меня есть на примѣтѣ и невѣста: нѣтъ, это не моя забота; я только попрошу какую нибудь

Степохлесту Перехватовну, добрую, услужливую женщину, и она найдетъ невѣсту, подберетъ мнѣ ее по примѣтамъ, чтобы напримѣръ была и молода, и чернoброва, и богата, и поплотнѣе, и хороша, и непричудлива, и вдобавокъ еще говорила по французски и играла на фортепiано не менѣе 80–ти штукъ. Она, сваха моя, выхваляетъ передо мною товаръ свой, какъ сидѣлецъ на щукиномъ дворѣ: жилетки хорошiя, сапоги, полусапожки, шинели форменныя, шляпы есть, платки, перчатки! «Есть», говоритъ она, «у меня на примѣтѣ такая–то, есть и такая–то — есть одна, и молода и богата и чернoброва и замужъ хочетъ...» — Такъ что же, подавайте ее сюда? — «Да она хочетъ только за военнаго, а чернаго платья не терпитъ!»

— Э, вздоръ, ничего, вѣдь я и самъ хотѣлъ когда–то служить, да раздумалъ; это пустое, все равно! — другая есть — третья есть, и я все приговариваю: подайте сюда и эту, а не то подайте ту!

— «Ну, позвольте, потерпите, дайте мнѣ поразвѣдать маленько», отвѣчаетъ наконецъ моя Перехватовна, «сладимъ дѣло, я многимъ господамъ служила, слава Богу, довольны остались.» — Во все это время, вы меня уже нигдѣ не встрѣтите иначе, какъ въ новомъ фракѣ моемъ, со свѣтлыми пуговками и въ жилеткѣ съ отворотами.

Наконецъ, меня везутъ на *смотрины*, хотя ихъ не всегда такъ называютъ, а говорятъ: просятъ познакомиться. Но знакомство это ограничивается тѣмъ, что я пріѣду вечеромъ въ домъ, гдѣ отроду не бывалъ; что меня встрѣчаютъ какъ стараго знакомаго, называютъ по имени и отчеству, спрашиваютъ о здоровіи матушки моей, братьевъ и сестеръ, называя всѣхъ поименно — что между тѣмъ всѣ смотрятъ на меня, какъ лягушки на осиноваго царя своего: кто вылупивъ глаза, кто бочкомъ, кто искоса, кто украдкой; а Маша входитъ наконецъ, разодѣтая и разубранная впухъ и садится зарумянившись разливать чай: бесѣда идетъ между тѣмъ самая

политичная, все о постороннихъ вещахъ, будто ничего не бывало. Вотъ и все знакомство: или вы завтра же можете поздравить меня женихомъ, если невѣста приглянулась, или я, раскланявшись и принявъ приглашеніе: быть знакомымъ, пропадаю опять навсегда, если невѣста не показалась. Тогда и нога моя больше не бываетъ въ домѣ. Положимъ, я рѣшился: сватаюсь, и жалѣю только, что новый *альмавива* мой пролежалъ весь вечеръ въ передней и что, кромѣ слугъ, которые на немъ преспокойно почивали, его никто не видалъ. И такъ, сватаюсь, наконецъ вѣнчаюсь, везу молодую домой — и тутъ только начинаю догадываться, что мнѣ придется еще по неволѣ сдѣлать весьма значительныя уступки, относительно разныхъ свойствъ, качествъ и принадлежностей супруги моей, противъ перваго моего затребованія, первой сыскной, рядной или погонной, если только не придется намъ разойтись врознь, каждому туда, отколѣ пожаловалъ!

Нѣкто — по чину титулярный, по росту коротышъ, по лѣтамъ своимъ старшій братъ или дядюшка, а по званію, на этотъ разъ, рѣшительный женихъ, — пріѣхалъ по службѣ, изъ уѣзднаго города въ губернскій. Здѣсь видитъ онъ, не знаю какъ и гдѣ, какой–то рисунокъ — разумѣется красками — подъ которымъ подписано: Рисовала дѣвица Анчоусова. «Какая это дѣвица?» — Здѣшняя, говорятъ, дочь 2–го члена межевой конторы: отецъ весь вѣкъ свой графилъ да чертилъ, да отбивалъ пунктиромъ, да расписывалъ, по положенію, березовый лѣсокъ зеленою, а дубовый коричневою красочкой, дочь у него всему этому наглядкой и выучилась. — Коротышъ мой, недолго думавъ и не пускаясь ни въ какіе далѣе распросы, засылаетъ сваху. Осторожный членъ спрашиваетъ: которую дочь сватаете? и свашенька задумалась, не могла дать отчету и поѣхала за справкой. «И такъ ихъ двѣ!» восклицаетъ въ радостномъ изумленіи женихъ, какъ будто бы хотѣлъ жениться на обѣихъ! «Сватайте ту, которая рисуетъ». —

Да никакъ обѣ рисуютъ. — «Обѣ! это довольно странно: сейчасъ видно, что губернскій городъ! и можетъ быть другая рисуетъ еще лучше этой», подумалъ коротышъ, «какъ тутъ быть? Ну, все равно, только сдѣлайте милость поскорѣе, какъ бы дѣло кончить сегодня?» — Я рада стараться, да которую–жъ сватать? старшую, что ли? — «Ну да, старшую.» — Или можетъ статься полюбится вамъ меньшая, она дѣвушка бойкая? — «Хорошо, пожалуй, меньшую, только сдѣлайте милость поскорѣе: поѣзжайте вы, а я обожду тутъ у васъ!» Сваха ѣдетъ, сватаетъ, возвращается домой — но женишка нашего нѣтъ ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра, словно утонулъ — а тамъ вдругъ слышно, что онъ уже помолвленъ и вовсе на другой. Какъ же это случилось? Очень просто: вы уже видѣли, что жениху нашему охота жениться пришла смертная; ему до вечера дожидаться показалось долго: пошелъ раздумье мыкать по широкой улицѣ. Идетъ, идетъ и видитъ вдругъ передъ нимъ мелькнула, перебѣжавъ

дорогу, прекрасная незнакомка, и исчезла, нырнувъ въ калиточку. Вмѣсто салопа и шляпки у нея былъ накинутъ черезъ голову большой бумажный платокъ, лица почти было не видно; «но если она будетъ моей женою,» подумалъ коротышъ, «такъ я наглядѣться на нее успѣю.» Между тѣмъ, красавица обронила тетрадку, которую нашъ искатель невѣстъ подхватилъ съ жадностію и прочелъ на ней: древняя исторія. «О Кліо!» восклицаетъ вдохновенный, «Кліо, ты моя!» Замѣтимъ, что эта Кліо бѣжала изъ пансіона какого–то французскаго самоучителя, осколыша Большой арміи, и была уже дѣвой зрѣлой. У насъ слѣдовали Жанъ–Жаку и дѣтей смолоду не убивали ученьемъ. И Кліо, которая пряталась первые три дня отъ нашего сверчка–жениха, какъ отъ пугала, привыкла къ нему ровно къ тому сроку, какъ поспѣло приданое — нѣтъ вещи, къ которой бы не приглядѣлся свѣтъ — и вышла за него и живетъ.

Нѣкто коллежскій асесоръ и кавалеръ, человѣкъ дѣловой, скорый, расторопный,

который вставалъ лѣто и зиму въ четвертомъ часу, а ложился въ девятомъ, послѣ обѣда отдыхалъ съ часокъ и опять спѣшилъ во всѣ концы по дѣламъ, разсказывалъ вамъ, не переводя духу, состоянiе атмосферы, по барометру и термометру, денежные курсы, по вѣдомостямъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, цѣну на овесъ, рожь и пшеницу, новости городскiя и иногородныя, кражи, пропажи, смертные случаи, сватовство, крестины и родины, и еще вдобавокъ дюжину предположенiй о всякой всячинѣ — такимъ же образомъ, на самую скорую руку, обдѣлывалъ свои домашнiя и чужiя дѣлишки по той части, о которой мы собственно говоримъ. Онъ прiискалъ однажды для дочери прiятеля и сослуживца своего, для котораго старался, какъ для себя, завиднаго жениха, съ условiемъ однакоже, чтобы 20 тысячъ было отдано безотчетно въ распоряженiе новобранца. Согласились, помолвили дѣтей и запили, какъ водится, шампанскимъ, назначили день свадьбы, посаженные съ шаферами

съѣхались, невѣста одѣта, гости привалили, музыка дожидается, а жениха нѣтъ. Фонарь — такъ называли мы домикъ хозяйскій, за то, что онъ былъ малъ, тѣсенъ, свѣтелъ, прозраченъ и очень засаленъ — фонарь давно освѣщенъ, народъ толпится подъ окнами, готовый плакать и смѣяться, какъ случится; посылаютъ въ церковь въ десятый разъ — жениха нѣтъ. Наконецъ, отправляютъ шафера за женихомъ: не заболѣлъ ли, не случилось ли чего? Ничего не бывало; онъ сидитъ дома, въ халатѣ, въ спальныхъ сапогахъ, куритъ трубку и читаетъ Московскія вѣдомости. «Помилуй, братецъ, одѣвайся, время къ вѣнцу ѣхать; тебя давно ждутъ! Что съ тобой, нездоровъ, что ли?» Нѣтъ ничего, слава Богу; да такъ, я раздумалъ. — «Что раздумалъ?» — Да жениться. — «Помилуй, ты шутишь?» — Чего шутить, нѣтъ, право. Это самое пустое дѣло, колода на шеѣ, руки связаны, ребятишки визжатъ — Богъ съ ними и съ нею. — Шаферъ, внѣ себя отъ изумленія, отправляется обратно. — Шопотъ, совѣты все тишкомъ да

нишкомъ — барыни раскудахтались, засуетились — но коллежскій ассесоръ мой уже сѣлъ и покатилъ на столбовыхъ дрожкахъ своихъ къ жениху, и въ двѣ минуты разузналъ все, что ему было нужно. Женихъ не довѣрялъ дарословію будущаго тестя своего, не вѣрилъ поговоркѣ: уговоръ лучше денегъ; а думалъ: деньги лучше уговору. Поэтому онъ и объявилъ, что не пойдетъ съ мѣста, до уплаты всего сполна по уговору. Когда же хлопотунъ нашъ привезъ ему полную сумму, которая частію нашлась у будущаго тестя, частію же была собрана тѣмъ же всесвѣтнымъ ходатаемъ у добрыхъ пріятелей вдолгъ, то женихъ, спокойно пересчитавъ деньги, приказалъ Гришкѣ подать шпагу, шляпу и мундиръ — а гости и невѣста между тѣмъ все дожидались — одѣлся, поѣхалъ, обвѣнчался и тулумбасы гремѣли и тарелки стучали до полуночи и бѣ веселіе и многая радость.

Василько, написавъ маіору отвѣтъ, пошелъ пройтись, куда глаза глядятъ. Душа его была такъ взволнована, что онъ не могъ

усидѣть на мѣстѣ. Незамѣтно прошелъ онъ довольно далеко: вечеръ былъ тихій и темный; Василько остановился на мостикѣ, взглянулъ впередъ и передъ нимъ затеплились три огонька. Съ негодованіемъ и болью на сердцѣ глядѣлъ онъ на освѣщенныя окна Ирины Титовны, и прислонившись, сложа руки, къ столбу мостика, покачалъ головою и сказалъ:

«Такъ онѣ опять уже сошлись, эти обветшалыя кофейныя мельницы, онѣ съѣхались на раду, на вѣче свое, потому–что безъ нихъ не было бы у насъ и завтрашняго дня! Пусть прощаетъ васъ кто хочетъ, а я васъ не прощаю. Нѣтъ, я бы отдалъ въ эту минуту половину всего имущества своего на построеніе смирительнаго дома, въ которомъ бы вы заняли первыя, почетныя мѣста! Тамъ бы я заставилъ васъ и плесть и молотить не языкомъ, а руками; тамъ бы вы узнали, въ поту лица своего, какое различіе между житьемъ тунеядца и жизнію честнаго, полезнаго, работящаго человѣка! Дурь и глупость вашу Богъ вамъ проститъ; но

двуличіе ваше, ханжество, безсовѣстность, бездушіе, клевету, ложь, которая служитъ вамъ орудіемъ и средствомъ ко всему, которыми вы, какъ блаженныя памяти Архимедъ, приподняли бы шаръ земной на оси его, если бы вамъ дали только опорную точку внѣ земнаго шара — неужели эти дѣянія ваши минуютъ достойнаго возмездія? Не знаю; но вижу, что теперь живете въ изобиліи, холите и себя и шавокъ своихъ, слывете умницами по цѣлому округу, васъ называютъ почтенными, намъ велятъ уважать васъ; вижу, что подходятъ съ подобострастіемъ къ вялой или дебелой рукѣ вашей, вижу, что у васъ есть на все свои потайные ключи, свои привѣты и совѣты, пружины и махины, доходы и доводы; слава и доброе имя, безъ котораго на свѣтѣ промежъ людей жить нельзя, у васъ въ рукахъ; а языки ваши равно искусно и соловьемъ щелкаютъ, и зміемъ шипятъ. Чего же вамъ больше? Вамъ и честь и слава!»

Бублинскіе, какъ уже напередъ можно заключить изъ слышаннаго нами между

ними разговора, этимъ оборотомъ дѣла были крайне довольны. Хитрый полякъ очень скоро смѣтилъ, что Василько вовсе не думаетъ о сватовствѣ, что все это однѣ сплетни, полагался на разсудительность и самостоятельность пасынка и не опасался уже болѣе грозившаго было ему переворота. Подосланнымъ людямъ Бублинскіе отвѣчали насмѣшками, свысока, почему свахи наши, увидавъ, что съ этого конца нѣтъ приступа, попытались зайти съ другаго, осадивъ и взявъ приступомъ нашего добраго запорожца.

Мачиха и отчимъ, нѣсколько времени послѣ этого, обращались съ Василькомъ ласковѣе обыкновеннаго и не могли скрыть свою радость. Между тѣмъ однако же довольно странный и неожиданный случай разстроилъ согласіе ихъ съ пріемышемъ, болѣе чѣмъ когда либо, лишилъ обѣ половины взаимной довѣренности и открылъ Васильку горестнымъ образомъ глаза.

Зеленый панокъ, несчастный чижикъ, былъ въ такомъ отчаяньи, послѣ неудачнаго

похищенія Улиньки, что хотѣлъ топиться и стрѣляться и наконецъ, перебѣсившись и образумившись, заслалъ опять къ Авдотьѣ Поликарповнѣ свахъ, полагая, что она уже, послѣ довольно гласныхъ похожденій дочери своей, будетъ посговорчивѣе. Тетка его, Ирина Титовна, тутъ очень много хлопотала; но Поликарповна предлагала одну только мировую, чтобы у чижика былъ свой кусокъ хлѣба; чтобы Титовна заживо отписала ему водяную мельницу свою, приносящую въ годъ тысячки двѣ. Разумѣется, что Титовна, на этомъ основаніи, не мирилась и слезы и просьбы племянника ея пропали за–даромъ. Отчаянною мольбою и разными обѣщаніями чижикъ успѣлъ однако же склонить тетку свою уступить ему мельницу эту довольно сходно, съ тѣмъ, чтобы онъ деньги эти досталъ на лицо. Чижикъ пустился на это — въ довольно странной надеждѣ: выпросить 10 тысячъ взаймы у Василька, который былъ для чижика однимъ изъ первыхъ богачей въ мірѣ. Добродушному Васильку, которому чижикъ растолковалъ, что вы–де

изъ опеки давно вышли, въ самомъ дѣлѣ польстила мысль, сдѣлать, при первомъ свободномъ употребленіи достатка своего, доброе дѣло; онъ согласился было съ своей стороны пособить и чижику и бѣдной Улинькѣ, но услышалъ отъ отчима своего, послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ и уговоровъ, рѣшительное *не позволямъ*. Это подало Васильку поводъ просить, со всѣмъ уваженіемъ и сыновнею преданностію, чтобы опекунъ передалъ ему лучше все имѣніе; Василько благодарилъ втораго отца своего непритворно за всѣ заботы его и попеченія и прибавилъ: «Пора мнѣ однако же самому заступить мѣсто опекуна своего и снять съ васъ, батюшка, хлопоты о чужомъ; я не ребенокъ, мнѣ совѣстно лежать у васъ дармоѣдомъ на шеѣ.» Хотя полякъ Бублинскій отклонилъ и отсрочилъ исполненіе этого требованія самымъ благовиднымъ образомъ, и поцѣловалъ питомца своего трижды въ лобъ, но бѣдный Василько, въ первый разъ отроду, усомнился въ искренности этихъ лобзаній, что ему было горько и больно до

нестерпимости. Невольно въ Василькѣ мелькнула мысль, что отчимъ его извлекаетъ какія нибудь личныя для себя выгоды изъ довѣреннаго ему имущества — добрый Василько самъ ужаснулся такой мысли, но она уже неотвязчиво его преслѣдовала и ему не было отъ нея покою. Ему дороги были тутъ не рубли и копейки, а честь своего втораго отца, котораго онъ привыкъ уважать и почитать съ малолѣтства, какъ отца роднаго. Грусть и раздумье заволокли всегда ясное чело Василька, ласки мачихи и отчима не утѣшали его, не спокоили; между нимъ и ими встала и выросла ледяной стѣной какая то неприступная грань, семейное счастье его рушилось. Положеніе это день ото дня становилось для Василька нестерпимѣе; можетъ быть ему также стыдно было передъ ничтожнымъ человѣкомъ, каковъ нашъ корнетъ–поэтъ, что не можетъ располагать по волѣ добромъ своимъ — словомъ, Василько пришелъ въ одно утро къ отчиму своему и сталъ проситься куда нибудь въ путь. Отчимъ сначала было

немножко позамялся, полагая, что Василько хочетъ ѣхать за границу, а на это опять таки понадобилось бы много денегъ; но когда этотъ сказалъ положительно, что до времени хочетъ только оглянуться немножко на родинѣ своей, которая для него гораздо занимательнѣе заморья, то Бублинскій разсудилъ, что такая поѣздка всего лучше разсѣетъ Василька, разгонитъ думу его и заставитъ позабыть возникшую было непріятность.

И такъ Василько, оставивъ отчиму примѣрный путевникъ, которому намѣренъ былъ слѣдовать, сѣлъ въ плетеную польскую бричку, легкую и удобную, и покатилъ, на первый случай, прямо на сѣверъ. Прощаясь съ родителями своими, онъ прослезился, и это были столько же слезы сыновней любви и привязанности, сколько и слезы душевной скорби и огорченія.

До отъѣзда, Василько еще разъ повидался съ Пушкой и съ Горемыкинымъ. Первому онъ признался во всемъ откровенно, когда тотъ, положивъ ему руку

на плечо и пригвоздивъ его искристыми, карими очами своими, сказалъ: «Василько, ще ты мене зроду не обманывавъ, а теперечки хочешь видбрехаться? чи яжъ тебе выдамъ, або що? сидай, та сыпь мини отсюды правду» — и указалъ на голую грудь свою.

Маіоръ слушалъ разсказъ Василька пристально, а потомъ сказалъ: «Что не дали тебѣ кинуть этой трясогузкѣ задаромъ десяти тысячъ, это дѣло; а что ты добрался наконецъ самъ до правды — это также къ лучшему; постороннему человѣку говорить тебѣ объ этомъ не приходилось, а въ лицо и въ глаза говорилъ я твоимъ паньству Бублинскимъ часто, что они ходятъ не въ своихъ *кожухахъ*. Какъ быть, поѣзжай съ Богомъ, а воротишься, живы да здоровы будемъ, перегадаемъ да передумаемъ, что и какъ ладить».

Горемыкину Василько оставилъ въ полное распоряженіе хорошій подборъ книгъ на четырехъ или пяти языкахъ и увезъ отъ него въ дорогу — признаніе, о которомъ скажемъ нѣколько словъ ниже.

Теперь надобно сказать, чѣмъ кончилось дѣло въ Шпиговкѣ. — Степанъ Власовичъ, получивъ ясное, откровенное и благородное письмо Василька, и поговоривъ съ нимъ лично, велѣлъ въ тужъ минуту заложить чубараго въ струментъ свой, отправился въ Шпиговку, сыпалъ на пути проклятія вправо и влѣво, и заставъ у Бабачковъ Ирину Титовну съ приборомъ, пропѣлъ всѣмъ имъ такую пѣсню, что онѣ чай долго еще крестились да отмаливались. «Чому васъ», сказалъ онъ имъ между прочимъ, «чому васъ, та жидивъ, та цыганъ мылують, не беруть васъ на службу Царскую?*) пралыбъ та пралы сорочки на солдативъ, хочь бы не даромъ хлибъ илы, тай не сталобъ тоди у васъ часу на таке паскудне дило!» Потомъ маіоръ отыскалъ крестницу свою, Мелашу, взялъ ее за руку, вывелъ въ комнату, гдѣ не было постороннихъ, поцѣловалъ ее, перекрестилъ и заговорилъ съ нею такимъ отеческимъ языкомъ, какого она еще отроду дома не слыхала. Обвивъ руки свои

*) Въ тѣ поры съ жидовъ еще рекрутъ не брали, а цыгане шатались никуда не приписанные, и также повинностей никакихъ не несли.

вкругъ шеи почтеннаго, сѣдаго маіора, она залилась слезами, но вскорѣ оправилась опять и сказала простодушно, съ чувствомъ и благородствомъ: «Батюшка, выслушайте–жъ и меня, вы меня поймете: что было у меня здѣсь, на сердцѣ, того не зналъ и не могъ знать никто; а что думали и говорили за меня другіе, въ томъ я ли виновата»? Степанъ Власовичъ точно понялъ отвѣтъ этотъ, и снова поцѣловалъ Мелашу и снова ее перекрестилъ.

Горемыкинъ, когда вся развязка эта дѣялась и творилась передъ глазами его, словно головою изъ подъ воды вынырнулъ, да снова увидѣлъ передъ собою Божій свѣтъ, снова прозрѣлъ и услышалъ. Онъ давно уже любилъ Мелашу, но въ тайнѣ, безнадежно: во первыхъ, никогда не ожидалъ взаимности, а во вторыхъ, и во снѣ не смѣлъ увидѣть, чтобы Степанида Ѳоминишна согласилась на этотъ бракъ. Евстратъ Богдановичъ почиталъ чувство свое какимъ–то преступленіемъ, запряталъ его на самый исподъ, въ темный уголокъ своего сердца, и пугался одной мысли, что

оно кѣмъ нибудь можетъ быть тамъ открыто, что его могутъ вытащить на свѣтъ, на общее позорище. При всемъ томъ однакоже, неожиданное открытіе, что Василько ему вовсе не угрожаетъ соперничествомъ, его какъ–то обрадовало и ободрило, хотя трудно объяснить почему? Отношенія его отъ этого не измѣнились, надежды не прибавилось ни на–волосъ. Когда же Василько послалъ, передъ отъѣздомъ своимъ, въ воскресный день, линейку за Горемыкинымъ, и оба бесѣдовали другъ съ другомъ откровенно и безъ свидѣтелей о прошедшемъ, о будущемъ и настоящемъ, то Евстрату тайна его приступила къ глоткѣ и чуть его не задушила: онъ покаялся Васильку во всемъ и въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ говорятъ о какомъ нибудь бѣдствіи, противъ котораго нѣтъ ни зелья, ни снадобья, и говорятъ объ немъ только, чтобы облегчить душу свою.

Степанида Ѳоминишна сначала охала, ахала, кричала, привязала по куску соленаго огурца къ вискамъ отъ головной

боли — такъ она тужила по бѣдной обманутой дочери — но когда маіоръ побывалъ въ Шпиговкѣ, усовѣстилъ мать, успокоилъ дочь, крестницу свою, и объявилъ все дѣло сплетней самаго дурнаго разбору, то Степанида Ѳоминишна выздоровѣла, замолчала, сняла огурцы и повязку и стала мотаться по прежнему въ хозяйствѣ. Сергѣй Сергѣевичъ игралъ во все это время въ молчанки.

Василько очень хорошо чувствовалъ, что ему необходимо было соединить съ прогулкою своею какую нибудь цѣль, намѣреніе, что ѣхать только поглядѣть на Божій свѣтъ нельзя; на это не стало бы, думаю, никого, а всего менѣе нашего Василька; и такъ, онъ задалъ себѣ вотъ какую задачу.

1) Собирать по пути всѣ названія мѣстныхъ урочищъ, распрашивать о памятникахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ, съ ними соединенныхъ, съ тѣмъ, чтобы примѣнять все это впослѣдствіи къ бытописанію Россіи, которое необходимо

должно, во многихъ случаяхъ, поясняться этими памятниками старины.

2) Разузнавать и собирать, гдѣ только можно, народные обычаи, повѣрья, даже пѣсни, сказки, пословицы и поговорки, и все, что принадлежитъ къ этому разряду.

3) Вносить тщательно въ памятную книжку свою всѣ народныя слова, выраженія, рѣченія, обороты языка, общія и мѣстныя, но неупотребительныя въ такъ–называемомъ образованномъ нашемъ языкѣ и слогѣ.

Послѣдняя статья, въ глазахъ многихъ, вѣроятно, пустѣйшая изъ всѣхъ трехъ, для насъ съ Василькомъ была самая главная и важная. Мнѣнія и понятія нашего объ этомъ предметѣ въ нѣсколькихъ строкахъ изложить нельзя; но оно въ кратцѣ, въ перечнѣ, заключается въ слѣдующемъ: Образованность и просвѣщеніе разлились по нашему отечеству быстрымъ горнымъ потокомъ, не ниспадали исподволь дождемъ и росою: то, что люди всосали, капля по каплѣ, изъ сосцовъ матернихъ, съ молокомъ, мы похлебали ложками, да

выпили ендовами. — Языкъ, который преобразовывается вѣками, не успѣлъ за этимъ переворотомъ, отсталъ, а между тѣмъ надо было выразить все то, что вновь наводнило сердце и душу, нравственныя и умственныя силы наши; вотъ почему стали мы поневолѣ говорить и писать не по русски, какъ и понынѣ пишемъ мы съ вами, мой почтенный читатель. Пенять за это на насъ нельзя; на нѣтъ и суда нѣтъ. Не одни слова, выраженія, а цѣлые обороты, изрѣченія, переносились цѣликомъ съ другихъ языковъ, слишкомъ удаленныхъ, по свойству своему, отъ нашего; вышла безцвѣтная смѣсь, которая все еще не могла достигнуть образцовъ своихъ, языковъ европейскихъ, и также довольно отстала — а не оставила его за собою — отъ языка природнаго. Языкъ нашъ не гнется въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ; что противно духу языка, того онъ себѣ усвоить не можетъ; онъ долженъ перебродить самъ въ себѣ, на своихъ дрожжахъ, тогда изъ него выработается языкъ сильный, могучій, богатый, всеобъемлющій: таковы начало и

корень его. На вопросъ: откудажъ намъ учиться, послѣ всего этого, русскому языку? отвѣтъ слѣдуетъ, самъ собою; изъ предыдущаго: учиться надо ему тамъ, гдѣ онъ еще не искаженъ, не перелицованъ на изнанку, не изнѣмечился, то есть въ народѣ. Кто захохочетъ при этомъ и скажетъ: «онъ съ Василькомъ хочетъ заставить насъ говорить костромскимъ или галицкимъ напѣвомъ, нарѣчіемъ низовыхъ бурлаковъ» — тотъ насъ не понимаетъ, и грѣшитъ, выдавая свои затѣи за наши. *Духу* нашего языка надобно учиться нынѣ у костромскаго, ярославскаго и вообще всякаго русскаго крестьянина, у простолюдина, потому что этому изъ книгъ научиться нельзя; но языкъ, который, вслѣдствіе подобныхъ изысканій, выработается со временемъ изъ такихъ началъ, будетъ не мужицкій языкъ, а русскій, образованный языкъ, котораго доселѣ еще у насъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, напримѣръ, находимъ мы въ записной книжкѣ Василька: — вмѣсто: «казакъ осѣдлалъ коня какъ можно

поспѣшнѣе, посадилъ товарища своего, у котораго не было коня, на крупъ, и слѣдовалъ за непріятелемъ своимъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на него кинуться» — вмѣсто этого, пиши и говори: «казакъ сѣдлалъ уторопь, посадилъ безконнаго товарища на забедры и слѣдилъ непріятеля въ назерку, чтобы при спопутности на него ударить», — обсылаться подарками, обознаться въ комъ нибудь — опознать вещь или человѣка — опознаться на мѣстѣ — пронять ухо сергой — придти на побывку — наслушивать сѣть или удочки рукою — сидѣть на слуху — овражки заиграли — поползень — зорница — марево — и такъ далѣе.

Вотъ зачѣмъ Василько поѣхалъ; вотъ на что обращалъ онъ все вниманіе свое, а потому деревни и села занимали его гораздо болѣе, чѣмъ губернскіе наши города, которые осмотрѣны уже многими, кругомъ и со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ то, за что взялся нашъ путникъ, былъ еще почти никѣмъ не початый, не тронутый родникъ

или рудникъ, какъ угодно. Василько напередъ всего хотѣлъ узнать отечество свое съ послѣдней и низшей ступени его, съ основанія, а потому изучалъ, вмѣстѣ съ памятниками и языкомъ, и самый народъ нашъ: нравы его, обычаи, свойства, наклонности, духъ, мысли, все. Онъ ѣхалъ медленно, большею частію на долгихъ, выбиралъ по распросамъ и разнымъ примѣтамъ ночлеги свои и роздыхи, братался съ крестьянами, наводилъ ихъ то на то, то на другое, заставлялъ гуторить, баить и балагурить, потому что этимъ только, окольнымъ путемъ, можно вывѣдать изъ нашего крестьянина то, что нужно было Васильку, а прямыми распросами никогда и ничего не добьешься. Примѣты, по которымъ Василько отыскивалъ иногда очень удачно людей такого покроя, какъ ему было нужно, довольно странны: разъ, напримѣръ, онъ увидѣлъ въ одномъ селѣ презатѣйливаго пѣтушка на щипцѣ и прехитрой рѣзьбы кровельныя полотенца; онъ доспросился

мужика–плотника, который ихъ работалъ, и нашелъ для себя въ этомъ человѣкѣ кладъ.

Такимъ образомъ Василько заѣхалъ шагъ за шагомъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже довольно далеко отъ родины своей, а именно въ Оренбургскую губернію, и собирался все еще далѣе на востокъ, когда нашелъ въ Шешминскомъ фельдъ–шанцѣ бѣлоголоваго старика, солдатскаго малолѣтка, Егора Кондратьева Арзамасова. Довольно странно видѣть тутъ цѣлыя селенія *малолѣтковъ*, у которыхъ не только есть дѣти, но иногда внуки и правнуки. Они поселены были въ свое время полками, избавлены отъ всѣхъ повинностей, и потомки ихъ все еще сохранили названіе малолѣтковъ. Этотъ замѣчательный старикъ зналъ и помнилъ все, что дѣлалось въ томъ краю, покрайней мѣрѣ въ теченіе 50–ти лѣтъ. Кромѣ того, онъ складно разсказывалъ, вытвердивъ ихъ наизусть, много сказокъ, думъ и былей. Всего лучше показалась Васильку *быль о взятіи Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Казани* — и мы выпишемъ здѣсь

быль эту, какъ потому, что она стоитъ этого по себѣ, такъ и потому, что она собственно задержала Василька на послѣдяхъ въ Шешминскомъ фельдъ–шанцѣ, и была причиною не маловажнаго, для всей жизни его, Василька, приключенія.

Быль о взятіи Казани.

«Когда Царь Иванъ Васильевичъ подступилъ подъ городъ Казань, то стоялъ онъ подъ городомъ подъ Казанью ровно три года: а городъ держалъ Эмей съ волшебницей, да правилъ городомъ Царь Семенъ–невѣрный. И эти орудія–пушки были у Царя Грознаго заговорены волшебницей, а онъ Божьей волей умудрился, Царь Иванъ Васильевичъ, подкопъ подвести отъ города за семь верстъ. И велъ онъ подкопъ этотъ подъ Казанкой–рѣкой и подрылся подъ самый нутреной кремль, и подкатилъ онъ пороховыя бочки подъ самый кремль, и приказалъ онъ на бочкахъ этихъ затеплить свѣчи, и во станѣ своемъ на вольномъ вѣтру свѣчи, и дойти огню отъ этихъ свѣчей

и до пороху, и разорвалъ бы онъ Кремль–этъ внутренній. На вѣтру свѣчи потеплились, нутреной городъ не начинаетъ рвать. Грозенъ былъ въ тѣ–поры Царь Иванъ Васильевичъ; закричалъ онъ своимъ ярымъ голосомъ: «подайте Мамлюту Темрюкова, молодова палача! Возьми ты, Мамлюта, канонера главнаго, сыми ты съ него буйную голову, по самыя по его могучія плеча, за измѣну за его великую». Выводитъ его Мамлютка Темрюковъ сынъ, хочетъ съ него снять напрочь буйну голову, по самыя по могучія плеча, и возговоритъ тотъ канонеръ главнѣйшій: «Батюшка нашъ Царь Иванъ Васильевичъ, не прикажи казнить, погоди въ часу хоть съ минуточку, прикажи рѣчь говорить: на вѣтру свѣчи скоро теплятся, подземельны свѣчи помаленьку горятъ!» Не успѣлъ канонеръ слово молвити, и взорвало самый городъ внутренній. Поздравляетъ Царь Семенъ невѣрный Царя Ивана Васильевича съ городомъ, выноситъ ему на блюдѣ золотомъ ключи, и отъ Кремля того и отъ города: «Вотъ тебѣ, Царь Иванъ

Васильевичъ, городъ мой и вся Азія»! то есть вся Башкирь, прибавилъ отъ себя Арзамасовъ, и сталъ разсказывать дальше и дальше, о заселеніи закамской линіи, о древнихъ болгарскихъ укрѣпленіяхъ, по этой же линіи, отъ коихъ и понынѣ остались потайныя подземелья, спуски къ водѣ, о Пугачѣ и прочее.

Василько собрался было совсѣмъ ѣхать, и лошади были заложены, когда Арзамасовъ вспомнилъ пѣсню о взятіи Казани; Василько сталъ записывать ее, сталъ распрашивать старика еще кой–о–чемъ, и это было поводомъ тому, что путникъ нашъ замѣшкался, расчелъ, что уже лучше здѣсь позавтракать, велѣлъ сварить себѣ яицъ и подать молока, и такимъ образомъ выѣхалъ часами тремя позже, чѣмъ было собрался и уложился.

Не успѣлъ онъ отъѣхать отъ Шешминскаго десяти верстъ, какъ вдругъ увидѣлъ по дорогѣ дымъ и наѣхалъ на пожаръ особеннаго роду: не домъ горѣлъ, и не изба, а дорожная повозка, карандасъ на долгихъ дрогахъ, отъ котораго уже

отступились, какъ видно, и самъ хозяинъ, стоявшій преспокойно подлѣ, и ямщикъ, державшій отложенныхъ лошадей въ поводу. Василько остановился, чтобы подать помощь, но уже было поздно; пламя, отъ загорѣвшейся оси и колеса, обхватило всю повозку. Василько предложилъ проѣзжему, котораго станъ, ростъ и черты напоминали ему разительно стараго и почтеннаго друга, Степана Власовича, предложилъ мѣсто въ бричкѣ своей, и проѣзжій, нашедши въ незнакомомъ, къ величайшей радости своей, человѣка, съ которымъ могъ говорить на природномъ языкѣ своемъ, безъ всякихъ обиняковъ пожалъ ему руку, кинулъ чемоданчикъ, плащъ и подушку въ бричку Василька, и новые товарищи и попутчики поскакали.

Василько ѣхалъ теперь съ англичаниномъ Давидсономъ, управлявшимъ въ то время однимъ изъ значительнѣйшихъ частныхъ горныхъ заводовъ уральскаго хребта. Давидсонъ ѣздилъ куда–то по заводскимъ дѣламъ и

узнавъ, что у Василька нѣтъ опредѣленнаго пути, просилъ его убѣдительно заѣхать вмѣстѣ на заводъ и посѣтить радушное семейство обрусѣлаго англичанина, какъ самъ Давидсонъ при этомъ случаѣ выразился. «Коли вы уже заѣхали въ концесвѣтный край нашъ», продолжалъ Давидсонъ, «то вамъ надо посмотрѣть и на горнозаводское производство наше, это вещь любопытная. Первое, что я вамъ покажу у себя, это выдѣлку изъ чугуна желѣза: у насъ вообще *поду* даютъ слишкомъ большой наклонъ, отчего, правда, гари или шлаку бываетъ меньше, а желѣза выходитъ больше, но оно дурное, хрупкое, лопается не рѣдко при самой укладкѣ на барки: у меня этого нѣтъ; я вамъ покажу, какое у меня желѣзо! его и въ Нижнемъ знаютъ, оно и тамъ всегда двѣнадцатью копейками дороже.

«Вы найдете также на всѣхъ частныхъ заводахъ, что мѣха весьма дурно устроены: воды много, но въ ней, по этому самому, всегда недостатокъ. Увидите также, что машинъ чрезвычайно мало, все работается

руками — отъ этого утрата времени, силъ, меньшее производство и дороговизна работъ. А почему? всему одна причина: безрасчетная жадность къ немедленной прибыли; мы все хозяйничаемъ, видите, будто заводу стоять только до будущаго года; нѣтъ, сударь, заводъ дѣло вѣковое, онъ долженъ стоять и улучшаться съ году на годъ, до самаго свѣтопреставленія — вотъ какъ должно смотрѣть на горный заводъ»!

Не говоря уже о томъ, что все это было для Василька очень любопытно, Давидсонъ привлекалъ его къ себѣ, какъ наружностію своею, живо напоминавшею стараго маіора, такъ и прямодушнымъ, сердечнымъ обращеніемъ и страстною любовью къ своему искусству. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пріятно видѣть человѣка, который знаетъ дѣло свое и преданъ ему душой и тѣломъ!

Въ три дня Василько обжился со всѣмъ семействомъ Давидсона, былъ у него дома, свой, и когда вникъ и вошелъ, свѣтлымъ умомъ своимъ, во всѣ части горнаго заводскаго производства, то передъ нимъ

открылся, въ полномъ смыслѣ слова, новый міръ. Эта совершенно новая для Василька отрасль промышленности нашей, одна изъ важнѣйшихъ въ имперіи, заняла и увлекла его не менѣе, какъ и голубоокая Молли, старшая дочь Давидсона. И не пеняйте ему за это — одно другаго стоило, покрайней мѣрѣ въ извѣстномъ смыслѣ: тамъ, на заводѣ Давидсона, всюду видна была одна только цѣль, польза, расчетъ, прибытокъ; здѣсь, въ дочери его, все было изящество, начиная отъ густой и долгой косы, обвитой вкругъ черепаховаго гребня, и до живой прозрачности ноготковъ и изящно отлитой или изваянной ножки; тамъ изумляла и поражала наблюдателя эта исполинская дѣятельность, кипучая жизнь, холодная, расчитанная, однообразная, но въ огромныхъ размѣрахъ — здѣсь, подъ легкой наружной оболочкой свѣтскаго приличія, скромности и *англійской* спокойной разсудительности, кипѣла умная и роскошная игра мыслей и чувствъ, которымъ Василько, занимаясь теперь прилежно изученіемъ царства ископаемыхъ,

далъ всѣ имена и названія драгоцѣнныхъ камней нашего Урала, и потомъ сравнилъ весь подборъ этотъ съ неоцѣненнымъ калейдоскопомъ, который можно оборачивать, перебивая положеніе камней, цѣлый вѣкъ, и всегда глазъ будетъ пріятно изумленъ нечаянностію вѣчно–новаго цвѣтка, узора или звѣздочки, состоящихъ однакоже въ сущности все изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ самоцвѣтныхъ камней.

Порядокъ и устройство въ домѣ Давидсона представляли ту же паровую машину, въ маломъ видѣ, тотъ же заводъ, заведенные часы. Каждый въ домѣ, начиная отъ самого хозяина и до судомойки, зналъ свое дѣло, и каждый занимался своимъ. Вставали въ опредѣленный часъ, сходились за огромный самоваръ, расходились и принимались за дѣло; опять сходились, по бою часовъ, къ завтраку, опять отправлялись по мѣстамъ и, въ положенное время, уже каждый стоялъ смиренно за стуломъ своимъ, ожидая, чтобы отецъ прочелъ вслухъ краткую молитву; отобѣдавъ, всѣ снова принимались

за работу и наконецъ уже, за вечернимъ самоваромъ, вкругъ котораго раставлены были блюда и тарелки съ холоднымъ жаркимъ, солониной, ветчиной, сыромъ, масломъ, яйцами въ смятку, начинали жить для себя, отдыхать отъ дневныхъ трудовъ въ семейномъ кругу. Дѣтей умывали и одѣвали раза по четыре на день, въ положенные часы; утромъ бѣгали они въ какихъ–то парусинныхъ чехлахъ, которые каждый день перемѣнялись, а къ обѣду выходили въ опрятныхъ курточкахъ; старшіе сыновья занимались уже по заводу, въ двоякомъ смыслѣ: во первыхъ, они помогали отцу присматривать тамъ, гдѣ просто нуженъ былъ глазъ; а кромѣ того, они изучали по одиночкѣ всѣ части производства, для чего и поступали въ науку поочередно, ко всѣмъ мастерамъ отдѣльныхъ частей. Дочери раздѣлили все хозяйство между собою и чередовались въ занятіяхъ своихъ, такъ что поперемѣнно присматривали за столомъ, за бѣльемъ, за дѣтьми, за чистотою въ домѣ; матери оставался только общій надзоръ и

распорядокъ. Василько любовался каждый день этой картиной, когда утреннія заботы наставали, и каждая изъ дочерей, до послѣдней, двѣнадцатилѣтней, приходили докладывать матери о состояніи и благополучіи ввѣренныхъ имъ частей и принять на сегоднишній день приказанія. Прислуги было въ домѣ очень немного, но всѣ успѣвали, потому что никто ихъ не сбивалъ, никто не мѣшалъ, не отрывалъ отъ дѣла, и каждый зналъ опредѣлительно: что и въ какое время ему надо было сдѣлать: сколько разъ въ недѣлю выгребать изъ камелька золу, сколько разъ выколачивать половики, круга и ковры, когда чистить въ цѣломъ домѣ мѣдь и бронзу, на все это было точное и подробное положеніе, по которому, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ — столько Давидсонъ былъ уже на своемъ мѣстѣ — не было сдѣлано ни измѣненій, ни дополненій; по неволѣ всѣ къ нему привыкли, и все шло, какъ по часамъ. Кухня у Елизаветы Самойловны, жены Давидсона, была, безъ всякаго сравненія, чище и опрятнѣе моей и вашей гостиной; и

ваша гостиная, вѣроятно, какъ и моя, моется по разу въ недѣлю: а тутъ все, полки, столы, шкафы, полъ — о посудѣ я уже не говорю — мылись и скреблись каждый день; и это дѣлалось въ полчаса, потому что не давали грязи наростать и накопляться. Я васъ увѣряю, что тотъ, кто не видалъ англійской кухоньки, не можетъ себѣ вообразить и представить, до какой степени она бываетъ чиста и опрятна. Это не голландская стряпная, гдѣ вы найдете конечно не менѣе чистоты и опрятности, но гдѣ господствуетъ какая–то неумѣстная изысканность и причудливое, безполезное убранство: здѣсь все просто, но все на своемъ мѣстѣ, все устроено для практической пользы, не для одного виду, а для дѣйствительнаго употребленія.

Такимъ образомъ Василько прожилъ довольно долго, мѣсяца два, и не замѣтилъ какъ время улетѣло. Старикъ Давидсонъ, полюбившій пытливый, острый умъ его, понятливость, познанія, легкость, съ которою онъ усвоивалъ все, что ни видѣлъ, и горячность, съ которою онъ принялся за

изученіе совершенно новой для него части, Давидсонъ держалъ Василька, уговаривалъ еще остаться, а Василько не видѣлъ, куда и зачѣмъ ему торопиться, и говорилъ, какъ одинъ извѣстный почтенный человѣкъ про знаменитый садъ свой: зачѣмъ далеко? и здѣсь хорошо! тѣмъ болѣе, что въ Тобольской, Томской и Иркутской губерніяхъ нѣтъ конечно другой Молли, а позади, въ Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и прочее, также не было; тамъ Василько уже побывалъ, оттуда пріѣхалъ и не видалъ тамъ ничего подобнаго.

Наконецъ одинъ изъ приказчиковъ, ѣздившій по дѣламъ заводскимъ въ Екатеринбургъ, привезъ Васильку извѣстіе, что тамъ на его имя лежитъ на почтѣ страховое письмо и давненько уже его ожидаетъ. На письмѣ написано *оставить на почтѣ* и *въ собственныя руки*. Василько встревожился, вспомнилъ, что по оставленному у отчима путевнику, давно уже долженъ бы проѣхать Екатеринбургъ, сообразилъ, что страховое письмо

непремѣнно должно содержать какую нибудь особенно важную вѣсть, потому что получалъ во весь путь письма не страховыя — и хотѣлъ сейчасъ же скакать въ Екатеринбургъ. Но Давидсонъ, распросивши толкомъ въ чемъ дѣло, сказалъ, съ обыкновенною разсудительностію и положительностію своею: «Постойте, mister Fedoroff — такъ онъ звалъ Василька — постойте, это вздоръ. Если письмо содержитъ извѣстіе, по которому вы, можетъ быть, должны ѣхать домой, то вамъ незачѣмъ скакать теперь 300 верстъ впередъ, дальше отъ дому; если же извѣстіе не такого роду, то вы также спокойно можете остаться здѣсь, у насъ, и выждать, покуда вамъ его привезутъ. Времени вы не потеряете, потому что я завтра же долженъ опять послать въ Екатеринбургъ нарочнаго; вы дадите ему довѣренность на имя знакомаго мнѣ горнаго офицера, заводскій исправникъ нашъ скрѣпитъ ее — мы съ нимъ въ большой дружбѣ — но для вѣрности, для подкрѣпленія дружбы, мы пошлемъ къ

нему, на всякій случай, голландскій сыръ, который здѣсь въ рѣдкость. — Бетси, продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ, послать исправнику четверть сыра и просить его, не сыръ то есть, а исправника, ко мнѣ — и дѣло будетъ въ шляпѣ.»

На четвертый день нарочный воротился и привезъ Васильку письмо. Печать была красная, но содержаніе его до того потрясло и поразило Василька, что онъ мгновенно измѣнился въ лицѣ. Оно выражало что–то думное и тревожное. Въ чертахъ около губъ, не видно было глубокой горести, скорби, но черты эти выражали: что Василько тронутъ, что ему больно; а глаза, лобъ и брови показывали какое–то безпокойство, какое–то постоянное изумленіе.

Василько просидѣлъ довольно долго одинъ, или проходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ вошелъ къ нему, постучавшись напередъ въ дверь и выждавъ позволенія: come in! старикъ Давидсонъ, которому сказали, что письмо крѣпко встревожило Василька. Разговоръ ихъ мы

не слышали, но онъ длился болѣе часу; Василько читалъ новому другу своему письмо, говорилъ почти во все время съ большимъ одушевленіемъ, былъ тронутъ, нѣсколько разъ, останавливаясь, закусывалъ нижнюю губу, и она немного дрожала. Въ тотъ же день онъ сѣлъ и поскакалъ домой, ѣхалъ все на почтовыхъ и гналъ, сколько могъ. Прощаясь съ нимъ, Давидсонъ пожалъ и тряхнулъ ему руку и сказалъ повидимому не шутя: «я съ вами не прощаюсь, мы еще увидимся: вы будете славный заводчикъ — рѣшитесь только кинуть безтолковое хозяйство свое, эти скучные урожаи и неурожаи, да привозите къ намъ чистыя деньги: если здѣсь начать дѣло только съ двумя стами тысячъ, но пять, шесть лѣтъ не спрашивать доходу, то на седьмой вы получите 30, 40, а тамъ можетъ быть и до 80 тысячъ годоваго доходу. Вы не будете хозяйничать такъ, какъ сосѣдъ нашъ, который тѣмъ не менѣе честитъ себя званіемъ заводчика: посмотрите, управляющій нажегъ ему три горы Араратскихъ уголья, а работа стоитъ?

почему? нѣтъ денегъ на уплату извоза, за доставку руды!! а? каково это? How do you like it? Знаете ли, mister Fedoroff, что на Уралѣ, изъ числа 1866 частныхъ рудниковъ, разработывается не болѣе 23–хъ, и между прочимъ изъ 400 мѣдныхъ, только 30! Есть заводы, которые не въ состояніи платить крестьянамъ иначе за работу, какъ заводскими же издѣліями — легко расчесть, сколько тутъ бѣдному мужику хлопотъ и сколько убытку! Куда онъ повезетъ продавать, изъ глуши своей, полпуда штыковой мѣди или три пуда полосоваго желѣза? Знаете ли, что я засталъ въ заводской конторѣ своей только два рода предписаній отъ прежнихъ владѣльцевъ, богачей, какъ говорили, милліонщиковъ, — 1–е высылать въ Москву всю выручку сполна, а заводскіе расходы прикрывать хозяйственными средствами, и 2–е строго наблюдать, чтобы съ крестьянъ–новоженцевъ собиралось, по старому обычаю, по 10 руб. и по шитому полотенцу!!! Я не шучу, miэter Fedoroff, я

вамъ могу это показать за нумеромъ и за подписью заводчика!»

Въ Варшавѣ, неподалеку отъ извѣстнаго памятника славному Копернику, стоящаго на довольно тѣсномъ мѣстѣ, противъ выдавшагося острымъ клиномъ квартала, неподалеку отсюда, былъ когда–то палацъ пана Грабія Кочатковскаго, по русски: домъ или дворецъ графа Пѣтушинскаго. Тутъ же, подлѣ, была и знаменитая въ свое время *кавеарня*, кофейная, въ которой, во время отечественной войны нашей, бывало безвыходно толпились русскіе офицеры всѣхъ полковъ и мундировъ. Тутъ же жилъ, если помните, знаменитый грамматикъ польскій, который, сказываютъ, далъ однажды продавцу разносчику глиняной посуды, полъ–злотаго, чтобы тотъ не кричалъ: *гарнкувъ, рынкувъ!* потому что это неправильно, а чтобы кричалъ: *гарнкувъ, рынекъ!* и потомъ погнался за разносчикомъ съ палкой, когда тотъ, поглядѣвъ на грамматика, какъ на какого нибудь полуумнаго, и отошедши шаговъ за сотню, началъ опять, по старой привычкѣ,

возглашать во все горло: *гарнкувъ, рынкувъ!* Въ той же знаменитой кавеарнѣ вывѣшивали по средамъ цвѣтной, бумажный огромный фонарь, на которомъ было написано буквами, свитыми изъ розъ и незабудокъ: *Пршіяцельскій баликъ* или *баликъ для пршіяцели*. Здѣсь толпился бывало сбродъ мужчинъ, въ грязныхъ сапогахъ, въ плащахъ и шинеляхъ, поднявъ еще стоячій воротникъ и закутывая лице, между тѣмъ какъ музыка гремѣла, и очень нарядныя на взглядъ дамы сидѣли по диванамъ и отхватывали съ отчаянными усачами мазурку.

И такъ, тутъ стоялъ дворецъ графа Кочатковскаго. Графа давно уже не было на свѣтѣ, а графиня лежала теперь на смертномъ одрѣ. Улица передъ домомъ была устлана соломой, ксендзы, доминиканы и бернардины, цѣлый сонмъ врачей, множество офиціянтовъ, множество дѣловыхъ людей, толпились въ передней и въ залѣ, между тѣмъ какъ во внутреннихъ покояхъ было нѣсколько знатныхъ барынь. Наконецъ графиня дрожащимъ голосомъ

попросила всѣхъ вытти, потребовала къ себѣ трехъ монаховъ, поименно, и въ томъ числѣ пріора или настоятеля, отдала имъ своеручно запечатанное пятью печатями письмо, на имя графа Базыля Кочатковскаго, сказала, гдѣ его искать, отказала монастырю значительную сумму, съ тѣмъ, чтобы настоятель обязался доставить письмо это въ собственныя руки графа, а черезъ нѣсколько дней, во дворцѣ графини все было тихо, мертво и пусто, потому что она перебралась уже, изъ суетнаго и великолѣпнаго жилья своего, въ одинокую и тѣсную земляночку, въ которую, какъ въ ловушку, есть только входъ, а выхода нѣтъ.

Бублинскій былъ увѣдомленъ обыкновеннымъ порядкомъ, что скончавшаяся въ Варшавѣ графиня Юзефа Кочатковская представила, передъ смертію своею, законныя доказательства на то, что у нея былъ, отъ покойнаго графа, сынъ Базыль, Василій, который оставленъ ею, по тогдашнимъ смутамъ и переворотамъ Польши, въ Россіи, и именно въ такой–то

губерніи, у помѣщика Игнатія Бублинскаго; что часть отцовскаго наслѣдья передана была впослѣдствіи опекуну и отчиму молодаго графа, томужъ Бублинскому, часть утрачена навсегда, поступивъ уже, со времени смерти старика, въ руки дальнѣйшихъ наслѣдниковъ, потому что графъ умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія и не объявивъ ничего о сынѣ; а мать Василія, нынѣ скончавшаяся, установляетъ сына своего полнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ, какъ собственнаго своего имущества, такъ и законной доли своей отъ отцовскаго.

Почти въ тоже время, или еще нѣсколько прежде, Бублинскій получилъ увѣдомленіе отъ бернардиновъ изъ Варшавы, что у нихъ хранится по видимому важнаго содержанія письмо, на имя молодаго графа; что письмо это, по волѣ покойной графини, должно быть передано ему изъ рукъ въ руки, почему и просятъ увѣдомить, какое угодно будетъ сдѣлать графу на счетъ письма распоряженіе.

И вотъ извѣстіе, которое получилъ Василько нашъ, будучи у Давидсона на заводѣ, и которое его столько встревожило. Да и не мудрено; Василько былъ твердо увѣренъ, что онъ круглый сирота; ему и въ голову не приходило, что онъ по роду одинъ изъ первыхъ магнатовъ польскихъ и графъ — но на первый случай болѣе всего занимало, огорчало Василька и сокрушало его то, что онъ не зналъ и не видалъ матери своей, тогда какъ могъ бы еще узнать и увидѣть ее, если бы только зналъ обо всемъ во–время и поѣхалъ не на заводъ Давидсона, а въ Варшаву. Онъ отправился туда, пробывъ у отчима не болѣе двухъ сутокъ, но письма матери своей, которое кинулся отыскивать въ самый день своего прибытія, не засталъ: монахи, тщетно ожидая мѣсяца три отвѣта, потому что Бублинскій не писалъ, ожидая Василька со дня на день, отправили одного бернардина съ письмомъ этимъ въ Россію, отыскивать молодаго графа: вкладъ графини въ монастырь былъ значителенъ, и настоятель считалъ священнымъ долгомъ исполнить за

это волю усопшей. Случилось такъ, что Василько съ этимъ посланнымъ разминулся и письма не засталъ.

Бѣдный нашъ Василько! какая неизъяснимая тоска одолѣла его, когда онъ поселился въ Варшавѣ, до окончанія дѣлъ своихъ, въ огромномъ дворцѣ графовъ Кочатковскихъ, одинъ одинехонекъ, среди нѣсколькихъ десятковъ пышныхъ и обширныхъ покоевъ, которые накрыли его молчаливыми, нѣмыми сводами своими, ограждая его отъ чуждаго, холоднаго свѣта, мертвою роскошью расписныхъ и золоченныхъ стѣнъ! Онъ подошелъ, въ неизъяснимой тоскѣ, къ окну и взглянулъ на площадь: она кипѣла народомъ, посреди коего возвышался, на мѣдномъ сѣдалищѣ своемъ, огромный мѣдный Коперникъ, какъ великанъ между пигмеями — держалъ въ неподвижной рукѣ своей изображеніе вселенной, и казалось призадумался надъ суетностію и ничтожностію окружающихъ его обитателей, одной изъ едва видимыхъ точекъ вселенной этой. Василько вздохнулъ тяжело, ему сдѣлалось еще грустнѣе. Ни

толпа почтительныхъ слугъ и офиціянтовъ, ожидавшихъ ежеминутно повелѣнія своего новаго господина, ни цѣлая стая услужливыхъ друзей, родственниковъ и пріятелей всякаго разбора, съ чужими для него лицами и не братской душой, не могли его утѣшить; его одолѣла такая тоска, такая грусть, что онъ невольно вспомнилъ о Кочердыцкомъ заводѣ, среди исполинскихъ горъ, среди вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ; семейство Давидсона засѣдало тутъ передъ желѣзнымъ, расписнымъ тагильскимъ столикомъ и Молли задумчиво разливала чай: Васильку самому казалось, что въ этомъ кругѣ кого–то недостаетъ — и добрый Василько самодовольно улыбнулся, улыбнулся въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ въ Варшавѣ. Потомъ ему стало вдругъ жарко и душно, по кожѣ пробѣжалъ мурашками огонь — онъ сѣлъ на башкирскаго иноходца, пустился въ широкія заводскія ворота, повернувъ влѣво, пронесся мимо домика управляющаго. Давидсонъ поклонился слегка у третьяго окна съ краю, гдѣ виднѣлось бѣлое

платье — потомъ понесся все дальше по дорогѣ, покуда Кочердыцкій заводъ не потонулъ вовсе, въ глубинѣ лѣсистой долины; тамъ Василько поудержалъ ретиваго конька своего, пустилъ его шагомъ, своротивъ съ дороги опять налѣво, и остановился на одномъ изъ самыхъ высокихъ хребтовъ средняго Урала. Всѣ хребты пролегали въ дикой однообразности своей, прямо по полуденнику, отъ сѣвера на югъ; всѣ горы напластованы были подъ сорока пятью градусами; всѣ сопки, всѣ верхи, были голы, обнажены, и по нимъ выказывалась грядами, гребнями, обвѣтрившаяся, темнобураго цвѣта, горнокаменная порода; всѣ склоны поросли сосновыми борами, а вершины ихъ опушены березнякомъ — эта однообразная, но дикая, громадная, величественная природа востала передъ Василькомъ; онъ былъ не въ силахъ сидѣть долѣе, среди польской столицы, на пушистомъ, баракановомъ диванѣ, вскочилъ — и теперь только понялъ, что дѣйствительно любитъ Марію, свою Молли, и что ему, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, надо

ѣхать на Уралъ. Василько покончилъ дѣла свои въ Варшавѣ скоро, много–много недѣли въ три, и поскакалъ опять домой. Онъ продалъ все недвижимое имѣніе свое, въ томъ числѣ и знаменитый дворецъ, и нашелъ въ прочихъ сонаслѣдникахъ, охочихъ и скорыхъ покупателей, потому что самъ былъ сговорчивый продавецъ. Онъ спѣшилъ продать все задешево, только бы выручить наличныя деньги.

Прибывъ на родину свою, Василько нашелъ ожидавшаго его бернардина съ извѣстнымъ письмомъ. Если Василько былъ изумленъ въ высокой степени извѣстіемъ, что онъ единственный сынъ и наслѣдникъ польскаго графа Кочатковскаго, новостію, къ которой онъ едва только начиналъ привыкать и обживаться съ нею, то конечно письмо матери его, которое говорило совсѣмъ другое и противное, должно было поразить его не менѣе. Прочитавъ письмо это, Василько вспомнилъ мгновенно Савкину безтолковую сказку, и долго просидѣлъ на одномъ мѣстѣ, подпершись локтемъ, и прочитывая, отъ времени до

времени, снова послѣдній, да и то не живой, голосъ матери.

Объяснимъ напередъ всю загадку, а потомъ уже приступимъ къ содержанію таинственнаго письма.

Савкина сказка содержала, почти отъ слова до слова, довольно странныя похожденія младенчества Василька. Графъ Кочатковскій былъ савкинъ князь Крутояръ: нѣкогда любимецъ послѣдняго короля польскаго, онъ впалъ впослѣдствіи въ немилость, принужденъ былъ, по гордости и неуклончивости своей, удалиться въ Россію, увезъ съ собою молодую и бездѣтную жену, не надѣясь даже имѣть когда нибудь наслѣдниковъ, потому что не могъ забыть словъ какой–то цыганки, предсказавшей ему, что онъ не *увидитъ* чада: и графъ понималъ слово: не *увидитъ*, въ томъ только смыслѣ, что дѣтей у него не будетъ, но графиня вскорѣ обрадовала графа извѣстіемъ, которое, повидимому, должно было изобличить ненавистную цыганку во лжи. Между тѣмъ мать графини и тетка ея, вслѣдствіе

причудливаго, дѣдовскаго завѣщанія, по которому супругѣ графа заживо доставалось значительное имѣніе, если она принесетъ первенца сына, пріискали, про запасъ и къ сроку, новорожденнаго мальчика, которымъ бы можно подмѣнить младенца графини, еслибы родилась дочь. Но родился сынъ, да сынъ шестипалый, и повидимому хилый; не сказавъ ни слова графинѣ, подложили ей, вмѣсто его, подготовленнаго, здороваго ребенка, коего родители приняли въ обмѣнъ шестипалаго ея младенца. Черезъ нѣсколько времени, мать графини, умирая, призналась самой ей въ подмѣнѣ, но не знала ни имени, ни мѣста жительства родителей обмѣныша, потому что дѣло шло черезъ бабку, которой уже не было на свѣтѣ. Кромѣ того, графиня даже опасалась разузнавать много объ этомъ происшествіи, какъ для того, чтобы не разгласить его, такъ и для того, чтобы не встрѣтить въ сынѣ своемъ, какого нибудь страшнаго урода; къ тому же ее увѣрили, что дитя было слабое и не могло долго прожить.

Графъ вскорѣ былъ снова вызванъ въ Варшаву; обстоятельства сдѣлались для него благопріятнѣе: онъ сначала поѣхалъ одинъ, съ тѣмъ, чтобы напередъ осмотрѣться на мѣстѣ, а потомъ выписать и графиню; но онъ пріѣхавъ скончался, а она, получивъ это извѣстіе, поѣхала туда одна, передавъ подмѣныша, чрезъ третьи руки, поляку же, Бублинскому, назначивъ ему, за воспитаніе Василька значительную сумму, и кромѣ того написала, на имя Василька, ту часть огромнаго имѣнія своего, которою могла по законамъ свободно располагать. Теперь графиня пересказывала все это въ письмѣ своемъ Васильку, отказывала ему весьма значительное имѣніе, но заклинала всѣмъ, что для него свято, добиться до положительнаго извѣстія о настоящемъ ея сынѣ, «и если онъ живъ, помочь ему, чѣмъ и какъ будетъ въ состояніи, и не оставлять его никогда, признать въ душѣ своей по крайней мѣрѣ братомъ.» Вотъ содержаніе письма.

Еслибы Василько, во время праздника въ Шпиговкѣ, именинъ Мелаши, не заставилъ случайно Савку разсказать сказку, то конечно не могъ бы теперь и подумать о томъ, чтобы найдти затеряннаго графенка; гдѣ его искать? Свѣтъ великъ, а примѣтъ и указаній никакихъ, ни даже имени или мѣста жительства продажныхъ родителей — вспомните, однако же, что продажные родители эти, были настоящіе родители Василька, и что отыскивая своего двойника, настоящаго графа, Василько отъискивалъ съ тѣмъ вмѣстѣ и отца своего и мать. И такъ онъ, вспомнивъ въ ту же минуту, Савкину сказку — отгадалъ, или почти отгадалъ всю тайну, и послалъ, не медля ни мало, бричку свою въ Шпиговку, съ запиской къ Сергѣю Сергѣевичу, въ которой просилъ убѣдительно отпустить Савку, по очень нужному дѣлу, хоть на одинъ часъ.

И Савка сѣлъ въ бричку эту Савкой, а вылѣзъ изъ нея, когда воротился, графомъ Кочатковскимъ; а вслѣдъ за нимъ вылѣзъ, изъ той же брички, бывшій Василій

Ѳедоровъ, бывшій графъ Василій Кочатковскій, а нынѣшній Савка, Савелій Грабъ.

Когда Савка пріѣхалъ въ село Бублинскихъ, Василько позвалъ его къ себѣ, заперъ дверь и сказалъ прямо: «Савелій, я вызвалъ тебя за важнымъ дѣломъ; растолкуй мнѣ сказку свою про князя Крутояра, назови кого назвать можешь, кого знаешь, не бойся ничего.»

Савелій глядѣлъ пристально на Василька, не зналъ что отвѣчать, и на повторительное требованіе его, сказалъ: «Видно я виноватъ, Василій Ѳедоровичъ, я подурачился, что разсказалъ такую сказку — коли вы сами что объ ней изволите знать, то будьте увѣрены, что у меня, во вѣкъ мой, объ ней помину не будетъ; а другіе, кто въ тѣ поры слушали, чай давно уже ее позабыли». Савка чувствовалъ, что обнаружилъ большую тайну, принялъ встревоженное лице Василька за выраженіе неудовольствія, и потому отвѣчалъ ему извиненіемъ. Но Василько вскорѣ добился истины, и Савка,

въ свою очередь, не могъ опомниться отъ изумленія, когда услышалъ, что передъ нимъ, въ лицѣ Василька, стоитъ подмѣнышъ его, настоящій Савка.

Савелій протянулъ лѣвую руку свою, вывернулъ ее нижнимъ краемъ ладони кверху, указалъ Васильку на очень явственный рубецъ, и сказалъ: «Вотъ онъ, шестипалый, передъ вами; другой мизинецъ вырѣзалъ мнѣ какой–то полковой лекарь, еще въ малолѣтствѣ, и помню я это, какъ во снѣ».

— Какъ же ты попалъ въ крѣпостные къ Бабачку? гдѣ и кто твой отецъ? —

«Одного, перваго отца, вы изволили знать лучше меня, потому что я не зналъ доселѣ имени его и нынѣ въ первые отъ васъ же слышу; а другой — мужикъ, крестьянинъ нынѣшнихъ моихъ господъ, по имени Иванъ Грабъ; и онъ и мать живы, и о–сю–пору въ деревнѣ нашей, въ Шпиговкѣ — если изволите припомнить, противъ самаго колодца, хатка почище другихъ стоитъ — она и выстроена на деньжонки, которыя взяли тогда за сына»...

и остановился, вспомнивъ, что проданный сынъ этотъ стоялъ теперь передъ нимъ.

— Раскажи же мнѣ, Бога ради, какимъ образомъ ты все это узналъ?

«Года тому съ четыре», продолжалъ Савка, — или бишь Василько, графъ Кочатковскій, то есть настоящій графъ, бывшій Савка, «года тому съ четыре, мать собиралась умирать и не думала, что будетъ жива еще о–сю–пору. Стала ее совѣсть мучить, что я не крещенъ: она позвала меня одного, безъ отца, безъ свидѣтелей, и разсказала мнѣ все, что сама знала: что я не ея сынъ, а сынъ какого–то польскаго пана, котораго однако же не знала по имени; что меня подмѣнили ея сыномъ, который былъ уже окрещенъ Савеліемъ; меня же приняли прямо съ рукъ бабки князей, не крещенаго, а крестить–де нельзя было никакъ, потому что дитя ихъ было уже окрещено, поэтому осталось при мнѣ имя Савелія, а настоящій Савелій, Богъ вѣсть гдѣ, на чужихъ рукахъ, да знать и подъ чужимъ именемъ; что она съ мужемъ согласилась на подмѣнъ этотъ, какъ во

уваженіе ста червонныхъ, такъ и разсудивъ, что сыну ихъ, коли доживетъ и выростетъ, будетъ лучше жить княземъ и бояриномъ, чѣмъ мужикомъ; а что пріемышъ останется не крещенымъ, этого не думали и не знали, а послѣ полагали, что грѣхъ за это ляжетъ не на нихъ, они–де своего окрестили».

Но Василько былъ крещенъ, какъ сынъ графа, еще въ другой разъ, такъ сказать перекрещенъ въ католическую вѣру и названъ Базылемъ. Вотъ какая путаница родства, именъ, званій и житейскихъ отношеній: — тотъ и другой Савелій Грабъ, тотъ и другой Василій Кочатковскій — тотъ и другой графъ, тотъ и другой крѣпостной, и наконецъ, тотъ и другой по отцѣ одного исповѣданія, а по воспитанію другаго! Если это не двойники, то двойниковъ нѣтъ на свѣтѣ!

Василько, обнявъ и поцѣловавъ Савку, сказалъ ему: «мы братья, насъ связало и горе и радость, и мы не растанемся, если ты меня не покинешь: но молчи до времени, не говори никому ни слова: прежде всего надо тебя выкупить; поѣдемъ сейчасъ же вмѣстѣ

въ Шпиговку». Законъ гражданскій былъ на сторонѣ Василька, потому что передъ закономъ нельзя было разоблачить всѣ обстоятельства эти и доказать актами, которыхъ не было, истину; но Василько, въ душѣ своей, не могъ уже сомнѣваться въ справедливости Савкиныхъ словъ, въ показаніи родителей своихъ, и съ той минуты призналъ Савку законнымъ наслѣдникомъ и графомъ.

Сѣли и поскакали — Василько хотѣлъ сейчасъ же упросить Степаниду Ѳоминишну уступить ему все семейство Граба, хотѣлъ также, прежде всего, увидѣть и узнать наконецъ отца и мать; но доѣхавъ до Шпиговки, раздумалъ и передумалъ все это по многимъ причинамъ, и высадивъ Савку, покатилъ прямо къ маіору: ему разсказалъ онъ все, просилъ его быть посредникомъ и кончить дѣло съ Бабачками — дѣло въ самомъ дѣлѣ для Василька щекотливое. Василько рѣшился скрыть всѣ обстоятельства и выкупить Савку, со всѣмъ семействомъ его, подъ другимъ предлогомъ, чрезъ третіе лице; Васильку это казалось

тѣмъ болѣе нужнымъ, что Степанида Ѳоминишна могла заупрямиться, узнавъ дѣло, и отказаться отъ всякой сдѣлки.

Степанъ Власовичъ закричалъ въ одинъ голосъ: «чубараго у струментъ! хлопецъ! одягаться!» сѣлъ на струментъ свой и покатилъ — а Василько остался между тѣмъ у маіора, выжидать конца.

Каково ему теперь было? кто разберетъ и опишетъ чувства и мысли его? кто съумѣетъ поставить себя въ полной мѣрѣ на его мѣсто, обмѣниться на время съ нимъ, какъ и его самого нѣкогда обмѣнили?

Маіоръ вскорѣ воротился, сладивъ дѣло: Степанида Ѳоминишна воспользовалась прихотью Василька выкупить Савку, со всѣмъ семействомъ, и взяла деньги большія, но ей и въ голову не приходило, что Василько выкупаетъ роднаго отца и мать и своего двойника — тогда бы она распорядилась еще не такъ. Она во всю свою жизнь не могла забыть этой ошибки, опрометчивости и недогадливости, которая стоила ей многихъ безсонныхъ ночей.

Василько вошелъ въ воскресенье утромъ, когда зналъ, что старикъ Грабъ долженъ быть не на работѣ, въ хату его, сѣлъ, разговаривалъ нѣсколько времени съ нимъ и со старухой, навелъ ихъ, въ разговорѣ, на извѣстное происшествіе, чтобы увидѣть, какъ они помянутъ пропавшаго безъ вѣсти сына; и вдругъ, обнявъ отца и мать, сказался этимъ сыномъ. «Охъ мини лышечко» кричала перепуганная на смерть старуха, «охъ мини лышечко, сгубыла я свою бидну головоньку!» Долго не могли они опомниться, и большаго труда стоило Васильку успокоить и вразумить ихъ и заставить понять развязку.

То–то былъ пиръ, для любознательныхъ помѣщицъ цѣлыхъ двухъ или трехъ уѣздовъ! сколько было тутъ гону и разгону бѣднымъ лошадямъ, сколько стуку и бряку знакомой уже намъ клёпани, сколько было тутъ татаканья и казаканья въ запуски со всѣми гусиными гуртами вселенной — долго не могли наговориться и угомониться свашеньки, тетушки и кумушки наши,

которыя все знали, а между тѣмъ ничего не знали; долго не могли онѣ порѣшить дѣло это и сдать его въ архивъ, хотя все шло безъ нихъ своимъ чередомъ и никто изъ прикосновенныхъ объ нихъ не заботился.

Старикъ Иванъ Грабъ, старуха и подложный сынъ ихъ Савка, перешли вскорѣ на житье къ Васильку, и это дѣло было кончено, хотя Степанида Ѳоминишна и кричала, что ее обманули, бранила маіора, Василька, Сергѣя Сергѣевича, который–де ни о чемъ не заботится и ничего не знаетъ; но благословляла, вздыхаючи вслухъ, судьбу свою, что Господь ее сохранилъ, что не отдала родной дочери, Мелаши, за мужика.

Дѣло, относительно имѣнія Василька, которое было подъ опекою у Бублинскаго, о которомъ также взялъ на себя переговорить Пушка, было не такъ легко кончить, и стоило доброму Васильку многихъ хлопотъ и многихъ огорченій. Рѣшительно избѣгая тяжбы, и желая притомъ кончить все какъ можно скорѣе, Василько принужденъ былъ сойтись

мировою: онъ сдѣлалъ Бублинскому значительную уступку, которую этотъ не постыдился принять, написавъ своею рукою условіе, гдѣ говорилось, между прочимъ, особою статьею, что воспитанникъ его уступаетъ ему, изъ благодарности, всѣ накопившіеся проценты и хозяйственныя приращенія, за все время управленія, и требуетъ только имѣніе свое въ такомъ видѣ, какъ оно было передано Бублинскому, за двадцать передъ этимъ лѣтъ.

Василько, принявъ имѣніе свое, лежавшее въ томъ же уѣздѣ, продалъ его тутъ же, за наличныя деньги, а самъ даже и не съѣздилъ туда, не поглядѣлъ на него; онъ чувствовалъ, что если познакомится сколько нибудь съ мужиками своими, то ему тяжело будетъ перепродавать ихъ въ чужія руки.

За тѣмъ Василько передалъ Савкѣ все, что получилъ въ наслѣдство, какъ сынъ графа Кочатковскаго; а себѣ оставилъ ту часть, которую получилъ отъ матери. Такимъ образомъ, Савка сдѣлался гораздо

богаче Василька. Савка непритворно отговаривалъ Василька отъ этого, даже долго отнѣкивался, и наконецъ оба кончили тѣмъ, что раздѣлили все имущество, состоявшее уже въ одной наличности, пополамъ. Василько былъ счастливъ въ душѣ, что сдѣлался, сверхъ всякаго чаянія, русскимъ; онъ досталъ метрическое свидѣтельство о крещеніи своемъ, просилъ отца, чтобы онъ благословилъ его тѣльнымъ крестомъ, и помѣнялся имъ съ Савкою, носившимъ тотъ самый тѣльникъ, который былъ, въ былое время, и на Василькѣ. Новые побратимы, побратанцы, названные братья, жили съ этого времени, какъ мы увидимъ, неразлучно. Но Василько не уступилъ честнаго имени своего побратанцу, а сталъ именоваться отнынѣ, выходивъ на то законное позволеніе, Савеліемъ Грабомъ; а Савка много смѣялся и острилъ на свой счетъ, когда онъ былъ признанъ паномъ Грабіемъ Базылемъ Кочатковскимъ, и махнувъ рукой, сказалъ: «Ну его, графа того, къ семи Семіонамъ! ты будешь Савелій Грабъ, а я буду Савка

Грабъ; ты будешь по отцѣ, Ивановичъ, а я, такъ какъ уже затесался нынѣ въ *овичи*, буду Ѳедоровичъ, вотъ тебѣ и шито и крыто!»

Бывшій Василько, нынѣшній Савка Грабъ, списавшись напередъ съ Давидсономъ, пріѣхалъ на Уралъ самъ–другъ, съ новымъ графомъ, и основалъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ помощію Давидсона, заводъ. Бывшій Савка сдѣлался вскорѣ такимъ машиннымъ мастеромъ, что старикъ Давидсонъ не разъ съ нимъ совѣтовался, когда устанавливалъ на своемъ заводѣ большую и сложную паровую машину. Мы говорили уже, при самомъ вступленіи, что Савка былъ самоучкой большой источникъ и художникъ на всѣ руки; увидавши кой–что путное, и поучившись практически, на англійскій манеръ, онъ постигъ всю сущность механики, и она сдѣлалась любимымъ его занятіемъ.

Похожденія и приключенія двойниковъ были разсказаны ими обоими, за вечернимъ самоваромъ Давидсона, и общее удивленіе и участіе возрастало непрерывно, до

поздней ночи. Молли не откинулась отъ — какъ его назвать? — отъ бывшаго Вильяма, за то, что онъ сталъ нынѣ Савеліемъ, а Давидсонъ продолжалъ называть его mister Fedoroff — по старой привычкѣ, даже и тогда, когда Молли была уже женою Савелія Граба. Черезъ годъ со днемъ графъ женился на второй дочери Давидсона, а тутъ подъѣхалъ къ нимъ въ помощники, по письменной и счетной части, Евстратъ Богдановичъ Горемыкинъ, съ молодою женою, Меланьею Сергѣевной. Какъ это случилось? очень просто: Степанида Ѳоминишна по *нечаянности* скончалась, какъ выражался самъ Сергѣй Сергѣевичъ; а этотъ, желанію и счастью Меланьи не противился. Родители Василька, двойника Савелія, ѣхать изъ Малороссіи не пожелали, и были очень довольны, когда сынъ купилъ имъ хуторокъ, неподалеку отъ родины ихъ, съ садочкомъ, въ которомъ росли вишни, яблоки, груши и сливы. Старикъ, подчищая деревья свои, благословлялъ сына, и послѣ каждаго осенняго сбора плодовъ, отправлялся, въ

синей свиткѣ своей и высокой, смущатой шапкѣ, съ поповскимъ посохомъ, въ Шпиговку, откуда увѣдомлялъ сына, чрезъ посредство краснорѣчиваго пера церковнаго причетника, объ урожаѣ, не забывая ни одного раза объяснить причетнику снова, что тамъ, «ажъ пидъ самисинькимъ Катерынбургомъ,» у сына его свой «зализный и мидный заводъ» и что сынъ его угодилъ въ графы.

Василько, составивъ себѣ, вмѣстѣ съ Савкою, огромное состоянiе, убѣдился на дѣлѣ, что Давидсонъ не хвасталъ, а говорилъ правду: Уралъ нашъ воздаетъ сторицею за труды, заботы, издержки и попеченiя наши; но надобно быть самому заводчикомъ, или покрайней мѣрѣ положиться на честнаго и знающаго человѣка, и думать не за одинъ годъ, а за все будущее время: то есть, не требовать, чтобы заводъ выручилъ нынѣ же какъ можно больше, чтобы управляющiй высылалъ только какъ можно болѣе наличныхъ денегъ, которыя нужны для пировъ и раутовъ въ столицѣ, а привести

сперва заводъ въ надлежащее состояніе, тогда онъ будетъ содержать и себя и хозяина своего, въ противномъ же случаѣ оба разорятся.

Я позабылъ сказать еще, что Сергѣй Сергѣевичъ съѣздилъ въ Кіевъ на контракты, и привезъ себѣ кіевскія гусли, чистой отдѣлки и очень звучныя. На крышкѣ были, какъ водится, три картины изъ ветхаго завѣта, разгороженныя одна отъ одной золоченой филенкой: столпотвореніе вавилонское, поклоненіе златому тельцу и цѣломудренная Сусанна.

В. ДАЛЬ